

За возвышение души:
Мира бат Генрих
(Михлин)

בס"ד

№ 282 • Тевет • 5784

Беерот Цицахк

Шмот • Ваэра

Голос Яакова против Ишмаэля
По урокам рава Игаля Полищука

Страх
Рав Шломо Левинштейн

Большая мицва
Сара Йохевед Риглер

11 лет журналу

Беерот Ицхак

Периодическое издание Фонда поддержки и распространения Торы «Беерот Ицхак» имени рава Ицхака Зильбера под руководством рава Игаля Полищука, главы русскоязычного отделения ешивы «а-Ран» в Иерусалиме

Главный редактор
рав Игаль Полищук

Редактор
рав Арье Кац

Технический редактор
рав Хаим Барух Либерман

Авторы, переводчики, составители и корректоры
рав Барух Марлатко, рав Берл Набутовский,
рав Александр Кац, рав Овадья Климовский,
рав Яков Тарнорудский, рав Цви Маламуд,
г-жа Хана Берман, г-жа Лея Шухман,
рабанит Лора Полищук

Технический работник
р. Залман Гельферис

В номере использованы и фото и графика из фотобанков pexels.com, pixabay.com, www.freepik.com, shutterstock.com и Wikipedia

5 € СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА
ВЗНОС НА ВЫПУСК СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА

РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ВЗНОСОВ И ПОДДЕРЖКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА «БЕЕРОТ ИЦХАК»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОД

Beneficiary's Name: Keren Beerot Itzhak

Registration number: 580566917

Address: Tiferet Ramot 81/8, Jerusalem, Israel

Bank name: Bank Hapoalim B. M.

Branch number: 538

Account number: 389-044

IBAN: IL69012538000000389044

SWIFT: POALILIT

БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОД ВНУТРИ ИЗРАИЛЯ

Банк Апоалим (12), Отделение Рамот (538)

Номер счета: 389-044, Имя: קרן בארות יצחק

По вопросам перевода с кредитной карты

в Израиле: +972(0)52 562 47 20

СИСТЕМА פלוס נדרים НОМЕР 1487

ОНЛАЙН ПЛАТЕЖИ НА BEEROT.RU

PayPal paypal@beerot.ru

АДРЕС: רב יגאל פולישצ'וק, תפארת רמות 81/8, ירושלים

ТЕЛЕФОН +972 (0)2674 34 84

ФАКС +972 (0)2678 26 65

Е-МЭЙЛ: info@beerot.ru

ПОДПИСКА (возможна доставка на дом)

+972(0)52 562 47 20

www.beerot.ru/subscription/

ЗАКАЗ РЕКЛАМЫ

reklama@beerot.ru

Просьба строго следить за тем, чтобы издание не выносили в Шаббат в местах, где нет эрува.

Поскольку издание содержит святые слова Торы, оно требует уважительного обращения и генизы.

Все материалы журнала (в том числе и изданные в книгах) проходят обязательную редакционную проверку.

Допускается перепечатка материалов издания с обязательной ссылкой.

Распространяется в России
при поддержке КЕРООР

KEROOR.COM

Централизованная религиозная
организация ортодоксального иудаизма

Верстка
и дизайн: JEWISH PUBLISHERS

Издание и распространение еврейских книг
JewishPublishers.com

Просьба молиться за выздоровление

Рафаэль Хаим (Либерман) бен Сара

За возвышение души

Арье Леонид бен Борис (Глезеров)

Натан бен Михаэль

Шуламит Юля бат Моше Шахнович

Самила бат Рафаил Майзельс

Раиса бат Аїзик Мительман

Галя Хая Браха бат Мордехай Скаржинский

Тамара бат Некадам Гулькаров

Гершон бен Мордехай Лирицман

Михаэль Моше бен Яков Кац

Просьба молиться за выздоровление

Алексей бен Ида

Ривка бат Хая

Рав Шломо Михоэль бен София Шева

Йехезкель бен Шифра

Содержание

Недельная глава

3 | Лакомства к субботнему столу

3 | Недельная глава Шмот

7 | Недельная глава Ваэра

Еврейский взгляд

10 | Голос Якова против Ишмаэля

По материалам уроков рава Игаля Полищука

Еврейское мировоззрение

14 | Бейт Элоким

Рабби Моше бен Йосеф из Терани (а-Мабит)

20 | Страх

Рав Шломо Левинштейн

Еврейский закон

22 | Законы благословений

Еврейский дом

24 | Мамин дом

Рабанит Рут Цивйон

26 | Цадик из Манхэттена

Рухома Шайн

33 | Большая мицва

Сара Йохевед Риглер

Лакомства к субботнему столу

Недельная глава Шмот

Участвовать в горестях и радостях ближнего

По беседе рава Реувена Карлеништейна
**“Когда Моше вырос, он пришел к своим
собратьям, и увидел их страдания” (2:11)**

**Раши: «“Увидел их страдания” – раскрыл
свои глаза и сердце, чтобы сопереживать
им».**

Книга “Берешит” называется еще “Книгой Прямых”, по именам наших святых праотцов, которые были прямыми и праведными людьми, и в этой книге описывается их жизнь. Книга “Шмот” вначале описывает жизнь Моше рабейну, величайшего из поколений. И что мы видим – первое действие Моше рабейну, о котором Тора рассказывает нам, это “пришел к своим братьям, и увидел их страдания”. Однако мы не находим здесь ни одного действия, которое Моше рабейну совершил активно, по своей инициативе. Что означает “увидел их страдания”? Раши открывает нам чудесную тайну: “раскрыл свои глаза и сердце, чтобы сопереживать им”. Моше не сделал никакого действия, он только дал своим глазам увидеть, а сердцу – почувствовать страшную боль своих соплеменников, стонущих под гнетом египетского рабства.

Сразу же после слов “увидел их страдания”, после того как он раскрыл свое сердце для того, чтобы сочувствовать им, ощущать их страдания, в том же стихе Тора рассказывает: “он увидел египтянина, который бьет еврея, одного из его братьев”.

Почему написано дважды “увидел” – “увидел их страдания” и “увидел египтянина”? Потому что, если бы он не увидел их страдания, не раскрыл свое сердце для сочувствия им, он, вполне вероятно, не увидел бы и того, что египтянин бьет еврея. Он бы сказал: “Да он не совсем его бьет, он только его немного толкнул, не надо раздувать тут историю...”

Когда можно увидеть, что другой человек страдает? Только после того, как раскрывают глаза и сердце, чтобы чувствовать ближнего, огорчаться за него, разделять с ним его тяжкую ношу. Тогда “увидел” – тогда начинаешь видеть, что ситуация у друга непростая, что у одного есть проблема, что другой страдает...

Когда хочешь почувствовать ближнего – начинаешь видеть, что он нуждается в помощи и разделяешь с ним его ношу. Именно это – первое, что святая Тора рассказывает нам о Моше рабейну.

Мудрецы говорят, какой награды Моше удостоился за то, что “увидел их страдания”. Позднее, когда Всевышний раскрылся ему в горящем кусте, сказано: “Б-г увидел, что Моше свернул посмотреть (на чудо). Воззвал к нему Б-г из горящего куста”. Там Всевышний обратился к нему и сообщил, что он будет первым избавителем всего народа Израиля. Как мы обычно это понимаем? “Б-г увидел, что он свернул посмотреть...” – когда Всевышний увидел, что Моше свернуть посмотреть на чудесный куст, почему он горит и не сгорает, он воззвал к Моше и раскрылся ему. Однако наши мудрецы (Мидраша Раба, Шмот, 1:27) объясняют этот стих по-другому: Всевышний увидел, что Моше “свернул” с пути своих дел, чтобы увидеть страдания евреев. Именно поэтому Он “воззвал к Моше из горящего куста”. И ранее Мидраш описывает, что такое было “увидел их страдания”: он видел их страдания и плакал, говоря: “Как мне жаль вас, я был бы готов умереть за вас!” Нет более тяжелой работы, чем работа с глиной, и Моше подставлял плечо, помогая каждому еврею в этой работе. Тогда Всевышний сказал: “Ты оставил свои дела и пошел смотреть на беды Израиля, и вел себя с ними, как их брат – Я тоже оставлю верхние и нижние (миры) и буду говорить с тобой”».

Так рос Моше рабейну, и так он стал главой народа Израиля, благодаря тому, что “увидел их страдания”.

Историю о Хафец Хаиме, которую я сейчас расскажу, я слышал от рава Шалома Швадрона. Один учащийся ешивы в Радунь, назовем его Яков, заболел эпилепсией. Он пришел к Хафец Хаиму и рассказал ему о своей беде: болезнь очень тяжелая, и врачи ничем ему не могут помочь. “Рав, - плакал он, - что со мной будет, смогу ли я когда-нибудь выздороветь?” Хафец Хаим почти не отреагировал, только спросил, что говорят врачи.

Через некоторое время он подошел к Якову и сказал: “Ты рассказал мне, что очень страдаешь от эпилепсии. Есть у меня совет для тебя, но я дам его только, если ты пообещаешь, что никогда в жизни не откроешь никому этот секрет – как ты выздоровел”.

Юноша, конечно же, согласился, и Хафец Хаим продолжил: “Поезжай в такой-то город, подойди к городскому раввину, расскажи ему о своей болезни и попроси благословения. Он благословит тебя, и ты, с Б-жьей помощью, выздоровеешь. Только помни мое условие – никому, ни в коем случае не рассказывай, как ты выздоровел!” – “Разумеется, рав, не буду рассказывать...”

Яков поехал в тот город, все рассказал местному раввину, тот, естественно, с радостью тепло благословил его, и через короткое время юноша исцелился от своей тяжелой болезни.

Прошло несколько лет, Яков женился, появились дети, и все было хорошо, пока жена его не заболела эпилепсией. В семье знали, что молодой зять когда-то был болен этой болезнью и выздоровел. Они не знали, кто и что ему помогло, только слышали, что ему удалось выздороветь. Они стали расспрашивать Якова: “К какому врачу ты ходил? В какой больнице лежал? Какие лекарства принимал?” Но он только отмахивался: “Я не могу вам ничего сказать по этому поводу...” Однако домочадцы не отставали. Расспрашивали его снова и снова и пытались пробудить его жалость: “Смотри, как твоя родственница страдает, неужели ты не можешь пожалеть ее и раскрыть секрет, как ты сам вылечился от этой тяжелой болезни?”

Так они донимали его день за днем, пока он больше не мог увиливать от ответа. “Какая разница Хафец Хаиму, что я расскажу, и кто-то еще выздоровеет в заслугу этого?” Он-то сам уже давно забыл, что когда-то был

болен, так что пребывал в отличном расположении духа. Короче говоря, после долгих колебаний Яков решил поделиться тайной. Собрал своих домочадцев и стал рассказывать: “Знайте, что вылечил меня не простой врач, и даже не знаменитый профессор. Я поехал в такой-то город, местный раввин благословил меня, и с тех пор я совершенно здоров!” Не успел он закончить свои слова – как вдруг упал на пол. Приступ эпилепсии. Болезнь вернулась во всей силе...

Увидев, что произошло, Яков собрался и поехал в Радунь, к Хафец Хаиму: “Простите меня, рав, - стал плакать он, - моя сестрица заболела эпилепсией, и семья стала страшно давить на меня, чтобы я раскрыл секрет своего выздоровления. Я не выдержал и рассказал, и сразу же после этого заболел заново. Пожалуйста, рав, пошлите меня снова к какому-нибудь праведнику, чтобы я выздоровел!”

Хафец Хаим выслушал его, глубоко вздохнул и сказал: “Увы, сынок, на этот раз я не могу ничего тебе помочь...”

“Почему, рав? – стал молить его Яков, - Ведь в прошлый раз вы отправили меня к тому раввину, и это помогло. Сейчас я тоже готов поехать куда угодно, даже на край света, только бы вылечиться от этой ужасной болезни!”

Хафец Хаим горько улыбнулся. “Понимаешь, - обратился он к своему ученику, - тогда, много лет назад, когда ты пришел ко мне и рассказал, что ты болен, и врачи не находят тебе лечения – я постился за тебя сорок дней, чтобы ты выздоровел. А теперь я уже состарился, у меня нет сил поститься... Так что мне нечем тебе помочь”.

Хафец Хаим не желал, чтобы люди знали о его великой силе, поэтому “спрятал” спасение, послав юношу к раввину другого города. Однако на самом деле тот выздоровел благодаря сорока постам великого мудреца...

**

Рав Шах, говоря траурную речь о великом Адморе раве Йозеле из Сатмара, упомянул следующую историю: однажды поздним вечером к Адмору домой постучался один еврей. Он был одет в обноски и сильно хромал. “Рабби, - воскликнул этот еврей, - и разразился слезами, - у меня в доме нечего есть, дети ходят в лохмотьях... Огромные долги из-за дорогих лечебных процедур висят на

моей шее, и заимодавцы не дают спокойно жить... Несколько лет назад я поранился, и не было денег как следует вылечить рану, в итоге в рану попала инфекция, началась гангрена, и ногу ампутировали...”

Светлый взгляд рабби потемнел от горя, когда он услышал такую тяжелую историю. В его глазах заискрились слезы.

“На этом мои беды не кончились, - продолжал тот, - потом моя жена заболела и умерла, оставив меня с маленькими детьми, которым так нужна мама... Ведь только папы всегда недостаточно... А теперь моя дочь подросла – а у меня есть в приданое одни долги...”

Слезы покатались по лицу рава, исчезая в его длинной бороде...

“Рабби! – вскричал еврей, - если вы мне не поможете – мы с детьми не сможем продолжать держаться...”

Рав Йоэль протянул руку, открыл ящик стола и достал большую сумму денег, подобную которой не раз давал на *цдаку*, и протянул несчастному еврею. Лицо того просияло, он рассыпался в благодарностях и поспешил выйти из дома. Через несколько секунд, после того, что он ушел, в комнату рабби вошел *габай*. “Рабби, - возмущенно сказал он, - этот еврей вам рассказывал, что ему отняли ногу, а я сейчас видел, как он бежал чуть ли не вприпрыжку, как абсолютно здоровый человек!” Рабби встал с места, на его лице было написано радостное волнение. “Слава Б-гу! – воскликнул он, - Ты меня по-настоящему порадовал, сообщив, что у этого еврея есть две ноги! Дай Б-г, чтобы мы всегда слышали только хорошие новости!”

Габай вышел, и снова вернулся, возмущенный больше прежнего. “Рабби! – вскричал он, - этот еврей не только не инвалид, я сейчас видел его с женой и детьми, и видно было, что это их мать, а не мачеха! А он вам наплел, что жена умерла и оставила его одного с малышами!” *Габай* был уверен, что теперь-то рабби точно велит догнать обманщика и заставить его вернуть деньги. Но рабби заново привстал со стула, с истинной радостью хлопнул в ладоши и сказал: “Какая радость, какая радость! Слава Б-гу, что его жена жива, и его горести не такие большие, как он описывал! Ну а деньги, которые я ему дал? Всевышний решил, что этому еврею полагаются деньги, которые он получил”.

Адмор из Сатмара вовсе не думал о том, какая это наглость – огорчать его мягкое сердце такой беспардонной ложью, он весь был наполнен только великой радостью, что еврей, создание Творца, не страдает и не горюет, и радовался этому от всего своего чистого сердца.

Это пример, как человек в совершенстве ощущает горе ближнего: когда ему рассказывают, что все в порядке – его радость достигает Небес!

В конце нашей главы (5:14) сказано: “Надзирателей-евреев, которых поставили надсмотрщики фараона, избили и сказали им:”Почему ни вчера, ни сегодня вы не сделали прежде установленной нормы кирпичей?” За что побили надзирателей?

Мидраш рассказывает, что каждый надзиратель-еврей отвечал за группу из десяти евреев, а надсмотрщик-египтянин был главным над десятью надзирателями.

В конце дня, когда надсмотрщики пришли и увидели, что евреи не выполнили свою норму – они обвинили в этом надзирателей-евреев, что те недостаточно сильно заставляли работать своих несчастных собратьев. Поэтому египтяне и побили надзирателей-евреев. Те же беззвучно вынесли жестокие побои. Они не пытались переложить вину на евреев, мол, те работали недостаточно усердно, а честно признались: да, мы виноваты.

Какую награду они получили за это? Наши мудрецы рассказывают (Бемидбар Раба, 15:20): «Когда Всевышний велел Моше: “собери мне семьдесят человек из старейшин Израиля”, тот сказал: “Владыка мира, я не знаю, кто достоин, а кто – нет”. Тогда Всевышний сказал ему: “Я знаю, что это старейшины народа и его надзиратели”. Те старейшины и надзиратели, которые подставляли свои спины, чтобы их били из-за недостаточной выделки кирпичей – пусть придут и займут этот великий пост. Потому Всевышний и сказал: “Я знаю, что это старейшины народа и его надзиратели”, что они пожертвовали собой ради общины, и “несли вместе с тобой (Моше) бремя народа”. Отсюда мы учим, что каждый, кто жертвует собой ради народа Израиля, удостоивается почета, величия и духа святого постижения».

Это – награда того, кто разделяет бремя ближнего и сопереживает его горестям.

**

До сих пор мы говорили о великом достоинстве соучастия в горе ближних, но в нашей главе мы видим, что есть вещь, которая тяжелее этого: соучастие в **радости** ближних!

Почему участвовать в радости труднее, чем участвовать в горе?

Если другой человек страдает, если у него какая-то проблема – то ведь сказано, что у еврейского народа есть три признака: они стыдливые, милосердные и делающие добро. Если еврей не задавит свое природное, изначально вложенное в него милосердие, то по сути своей он жалеет других, и когда другой страдает – это обычно трогает его сердце.

Но радоваться радостью ближнего – это труднее, поскольку, когда у другого все хорошо, и тем более – когда есть какая-то радость, например, кто-то из детей обручился, или он заработал крупную сумму денег, естественным образом человек думает: “А что со мной?” И тогда зависть поднимает голову: он, мол, счастливчик, а я такой несчастный... И если человек, несмотря на это, искренне радуется радостью ближнего – это очень большое достоинство!

Это достоинство мы находим у Аарона-коэна, который радовался, что Моше, его младший брат, был избран стать предводителем, можно сказать, царем, народа Израиля.

Конечно, нужно понимать, что у таких великих людей, как Моше и Аарон, не было места простой зависти, что, мол, Моше получает власть. Это для них полная ерунда, стыдно даже упоминать такое.

Однако есть здесь другой момент. Моше будет предводителем народа Израиля. Такому предводителю, который будет и главным раввином всего Израиля, дают невероятную помощь Свыше. Он получает все сокровища Высшей мудрости и святости – это все изливают на него Свыше, чтобы он передавал это народу Израиля. Здесь, действительно, Аарон мог почувствовать некую зависть – что Моше получит такие великие достоинства, такую несравненную близость к Творцу.

Когда Аарон, который был старше Моше, видит, что тот получит все эти сокровища, у него естественным образом должно было пробудиться это ощущение: “А что со мной?” Но Тора свидетельствует о нем: “Он увидит тебя и обрадуется в сердце” – это будет не только внешнее проявление радости,

а настоящая, из самой глубины сердца, радость, что его брат удостаивается истинно-го, возвышенного духовного величия.

Такое сердце, которое способно радоваться величию брата, удостаивается *Урим и Тумим*. На них было написано тайное Имя Творца, и там народ Израиля удостаивался раскрытия Шехины, мог слышать слова Творца и получать Свыше ответы на вопросы, касавшиеся всего еврейского народа.

По правде говоря, это достоинство “увидит тебя и обрадуется в сердце” вовсе непростое дело, даже для Аарона-коэна!

Мы видим это из стихов Торы: Всевышний просит Моше рабейну идти выводить евреев из Египта, а он отказывается, как это приводится у Раши: “... отсюда мы учим, что семь дней Всевышний говорил с Моше из горящего куста, уговаривая принять эту миссию, пока не разгневался на него, и только тогда Моше согласился. И все это – потому, что Моше не желал отнимать величие у своего брата Аарона, который был старше его, и был пророком”.

Моше рабейну не соглашался идти, поскольку его брат, Аарон, был старше его, и Моше опасался, что Аарону будет неприятно из-за этого. Поэтому Моше и сказал: “Пожалуйста, пошли через посланника” – пусть этим посланником будет мой брат Аарон, пусть он выполняет эту великую миссию: выводит народ Израиля из Египта.

Был ли Аарон достоин ее? Был ли он способен вывести народ Израиля из Египта? Да, он обладал всеми необходимыми для этого достоинствами, так же, как и Моше. Аарон а-коэн мог рассечь воды Красного Моря, и мог передать Тору народу Израиля. Мы учим это из вышеприведенных слов Моше. Моше имел в виду: Аарон достоин этого величия, у него есть все высочайшие достоинства!

Да, все у него есть, но Моше думал, что уровня “увидит и обрадуется” Аарон еще не достиг. Доказательство этому, что когда Всевышний сообщает ему: “он увидит тебя и обрадуется в сердце”, Моше соглашается идти!

Мы учим отсюда, что настоящее соучастие в радости ближнего, это настолько возвышенный духовный уровень, выше, чем все остальные, что даже великий Аарон не факт, что достиг.

Насколько же это важно – радоваться радостью ближнего!

Порой бывает, кто-то рассказывает: “Я сегодня иду на свадьбу”. “Чья свадьба?” – его спрашивают. “Соседа, он прислал мне приглашение, неловко отказываться – я ведь с ним каждый день встречаюсь в синагоге, если я не пойду – он обидится...” А другого спросят: “Ты идешь к такому-то на бар-мицву?” Тот отвечает: “Иду, а что делать... Он к моему сыну на бар-мицву приходил, неудобно не прийти...”

Это можно называть настоящим участием в радости ближнего?!

Рассказывают о раве Аврааме Гродзенском, который был *машигахом* в ешиве “Слободка”, что однажды ему пришлось поехать собирать деньги на ешиву. Однажды вечером, когда он находился в небольшой гостинице, он вспомнил, что в этот вечер женится один из учащихся ешивы. Рав Гродзенский встал посреди комнаты и стал петь и плясать, с большой радостью и воодушевлением.

Хозяин гостиницы услышал странные звуки и подошел посмотреть, в чем дело. Он приоткрыл дверь и увидел, как рав поет и пляшет. Хозяин несколько минут стоял и пораженно смотрел на это странное зрелище. Он был уверен, что его уважаемый гость хорошенько выпил, и поэтому так развеселился.

Наутро он не выдержал и подошел к раву: “Уважаемый рав, - спросил он, - что с вами

случилось вчера вечером? Сегодня не праздник, не шаббат и не новомесячье. Из-за чего вы так вдохновенно плясали вчера?”

“Очень просто, - объяснил рав Гродзенский, - вчера в Слободке состоялась свадьба одного из моих учеников. Я не мог на ней присутствовать, но какая разница? Я так ощущал эту радость – радость жениха и невесты, радость их родителей, что я участвовал в их празднике отсюда!”

И это – когда он не был на самой свадьбе...

Когда человек приходит на чей-то праздник, он должен ощущать, что это его собственный праздник! Не приходите туда ради галочки, чтобы увидели, что он пришел, а на самом деле радоваться, что Всевышний удостоил ближнего женить своего сына или дочь! Ощущать чувства ближнего – это самое совершенное выполнение заповеди “люби ближнего, как самого себя”!

Это и есть уроки, которые нам следует извлечь из нашей недельной главы: во-первых, разделять бремя ближнего – ощущать его боль, знать, в чем его проблемы, чего ему не хватает. Тот, кто на самом деле так чувствует – найдет и способ помочь ему. И, с другой стороны – радоваться радостью ближних. Так вырастают и становятся Моше и Аароном – великими предводителями народа Израиля.

Перевод: г-жа Лея Шухман

Недельная глава Ваэра

Находясь в беде, не ощущаешь ее глубину

Рав Шломо Левинштейн

“Поэтому скажи сынам Израиля:” Я – Г-сподь! Я выведу вас из-под египетского бремени, избавлю вас от порабощения! Я спасу вас (мощью Моей) простертой руки и великими карами”

Пять слов Избавления были сказаны Всевышним народу Израиля: Я выведу, Я избавлю, Я спасу, Я возьму, и Я приведу. Три из них появляются в нашей главе.

Спрашивает автор “Хидушей а-Рим”: “почему сначала сказано “Я выведу”, и только потом – “Я избавлю””? Ведь логично было бы написать наоборот: сначала Всевышний избавляет евреев от египетского рабства и только потом выводит из дома рабства. Однако дело в том, что порой люди находятся в таком тяжелом

положении, что даже не осознают всю глубину беды, в которую они погружены. Только после того, когда они устаиваются выйти из тьмы на свет, они понимают, в какой тяжелой беде они находились, и насколько велико чудо их спасения от нее.

Так и народ Израиля: только после того, как Всевышний выведет их из египетского рабства, смогут понять, насколько велико было чудо их спасения. Приведем пример, на что это похоже.

Один царь решил научить сына уму-разуму, чтобы не был слишком избалованным, и поэтому послал его к нищим, чтобы тот ходил с ними и собирал милостыню себе на пропитание. Через год царь пожелал узнать, как у того дела, и отправил к нему посланника, спросить, не нуждается ли он в чем-нибудь. “Еще как! – ответил сын, который напрочь успел забыть жизнь в царском дворце, - мне очень нужна котомка без дыр!” Тем самым он показал, какой убогой жизнью он живет...

“Когда еврея спрашивают, что ему нужно, - говорит”Хидушей а-Рим”, - он сразу же отвечает, что ему срочно нужно повышение зарплаты, и как только он это получит – все будет в порядке”.

Подобным же образом объясняет рабби из Коцка известные слова трактата “Бейца” (16а): “В канун шаббата Всевышний дает человеку дополнительную душу, а на исходе шаббата забирает ее, как сказано:”*Шават ваинафеиш*” – поскольку *шават* (соблюдал шаббат), *вай, авда нефеш* (ой, пропала душа)“.

Наши мудрецы задают вопрос: ведь дополнительная душа покидает человека на исходе шаббата, а не в начале. Почему тогда сказано, что “поскольку *шават*” – т.е. по приходу шаббата – уже пропала душа? Наоборот, сейчас она приходит.

Дело в том, объясняет рабби из Коцка, что когда наступает шаббат, и приходит дополнительная душа, тогда человек вдруг осознает, что на протяжении всей недели его духовное положение было просто ужасным!

Всю неделю человек молится, ест, спит и немного учится. Он не чувствует, насколько это плохо. Когда он об этом вспоминает? Когда приходит шаббат, и он получает дополнительную душу, он встряхивается и говорит: “Ой, теперь я понимаю, что всю неделю” пропала моя душа”.

Рав Шауль Рубин, который был главой коллея в Афуле, как-то раз встретился с одним офицером-тюремщиком. Тот рассказал ему об одном заключенном, который сидит у них в тюрьме уже несколько лет, поскольку не желает дать развод своей жене. Офицер спросил, не может ли рав встретиться с заключенным и уговорить его дать развод, освободить бедную женщину от этих уз. Рав согласился и пошел поговорить с заключенным. Закончив беседу, он пошел к офицеру и сказал ему: “Знай, что этот человек не даст жене гет, даже если будет сидеть в тюрьме сто лет. Он уже давно привык к жизни в тюрьме, и не чувствует никакого недостатка. Если ему дадут освобождение на пару месяцев, и он попробует вкус свободной жизни, то тогда, когда его потом вернут в тюрьму, он со всей силой ощутит, насколько жизнь в тюрьме тяжела. Тогда он поспешит дать жене развод по своему желанию”.

Этот совет обсуждался на всех уровнях, дошел даже до Кнессета! Там дали разрешение, этого человека действительно выпустили, а

через несколько месяцев вернули в тюрьму. И он, на самом деле, сразу же выразил готовность дать развод.

Перевод: г-жа Л. Шухман

Освятим Твое Имя в мире

Рав Шломо Левинштейн

“Нил наполнится лягушками, они поднимутся и придут к тебе в дом... в твою печь” (7:28)

Казнь лягушками обладала одной особенностью: в ней проявилось освящение Имени Небес, когда лягушки не жалели свои жизни и, не колеблясь, прыгали в горящие печи, только ради того, чтобы исполнить волю Творца.

Эти лягушки стали источником вдохновения для Хананьи, Мишаэля и Азарьи, которые пожертвовали собой ради освящения Имени Всевышнего. Об этом сказано в трактате “Псахим” (53б): «Что увидели Хананья, Мишаэль и Азарья, что помогло им пожертвовать собой ради Имени Творца и броситься в горящую печь? Они выучили это у лягушек: “Если лягушки, которые не имели заповеди освящения Имени Всевышнего, бросались в печи, как сказано:”и придут в твою печь“, так тем более должны это сделать мы, которые обязаны освящать Имя Творца”».

“На первый взгляд, действие лягушек не вызывало на тот момент никакого воодушевления, - говорит рав Штейнман, - доказательство этому то, что египтяне видели происходящее, и все равно не поверили в Б-га евреев...”

Тогда возникает вопрос: в чем цель освящения Имени Творца, нужно ли, чтобы люди видели это действие и убеждались, что это – освящение Имени Всевышнего, или достаточно сам факт, что человек, со своей стороны, совершил это действие, когда только стены его дома могут засвидетельствовать, что он совершил его?

Из факта, что деяние лягушек не оказало на египтян никакого влияния, и, тем не менее, их упоминают к добру за то, что пожертвовали собой ради освящения Имени Творца, мы можем сделать вывод: для того, чтобы выполнить заповедь освящения Имени Всевышнего, от человека не требуется пробуждать восхищение окружающих действием, которое он выбирает совершить. Само по себе это действие и выбор добра засчитываются ему, как освящение Имени Творца. Рав Штейнман приводит доказательство этому из слов мудрецов

в трактате “Брахот” (176) о жителях города Мхасии, о которых сказано, что у них “каменные сердца”, поскольку видят множество людей, которые приходят учить Тору, и, тем самым, совершают освящение Имени Творца, и все равно ни один из них не решил стать гером. На них не подействовало освящение Имени Творца, происходившее у них на глазах.

Получается, что есть такая реальность – что действие не вызывает никакого восхищения вокруг, и, тем не менее, все равно входит в рамки освящения Имени Творца.

Рав Пинкус в своей книге говорит об этом так: “Каждая заповедь, которую человек выполняет без какой-либо внешней причины или тяги ее выполнить – никто его не видит, никакой материальной пользы он от этого не получит – и он делает ее только ради Всевышнего, благословен Он, является освящением Его Имени!”

Так прямо сказано у Рамбама: “Каждый, кто отдалется от греха или выполняет заповедь не по какой-либо причине, касающейся этого мира, не из страха, или трепета, не из желания добиться почета, а только из-за того, что так велел Творец, благословен Он, подобно тому, как праведный Йосеф отдалился от жены своего хозяина – такой человек освящает Имя Творца”.

Далее рав Пинкус приводит несколько примеров:

Бывает, что человек просыпается поздно, обнаруживает, что он дома один, и все равно накладывает *тфилин* и говорит “Шма”. Он делает это, хотя никто его не видит, нет здесь никого, кто будет уважать и ценить его за это действие. Получается, что кроме заповеди молитвы и заповеди читать “Шма, Израэль”, он удостоивается и выполнения заповеди “и буду Я освящен среди сынов Израиля”.

Или, например, женщина находится одна в кухне в шаббат вечером. Она хочет вытереть стол, протягивает руку к рулону бумажных полотенец, чтобы оторвать одно – и вдруг останавливается: сегодня же шаббат! Эта женщина, кроме выполнения заповеди “помни день субботний, чтобы освятить его”, выполняет и заповедь “и буду Я освящен среди сынов Израиля”.

Или человек идет по улице, и вдруг ему на встречу – нескромно одетая женщина, и он отводит взгляд. Несмотря на то, что никто не обращает внимания, что он отводит глаза,

тем самым он выполняет заповедь освящения Имени Творца, кроме выполнения заповеди “не следуйте за своим сердцем и за своими глазами”.

Так что мы видим, что в каждой заповеди, которая выполняется ради Небес, есть освящение Имени Творца. Автор книги “Обязанности Сердец” пишет, что это касается всех заповедей, выполняемых в сердце, поскольку они не выполняются ради каких-то внешних факторов.

“И наоборот, - продолжает рав Пинкус, - любой грех, который человек совершает не потому, что его тянет на это, или он страстно желает этого, а просто так, потому, что он пренебрегает Всевышним и Его Торой – кроме самого греха, он еще и осквернил Имя Творца”.

Например – идет себе по улице голодный человек. Перед ним два ресторана: один – кошерный, а другой – некошерный. Ему совершенно все равно, но он заходит в некошерный, и ест там то, что противно еврейской душе. Он не только нарушил запрет есть тrefную еду, но еще и осквернил Имя Творца – ведь он только что доказал, что воля его Создателя ему совершенно неважна.

Когда мы говорим *Кдуша* и освящаем Имя Творца в мире, мы говорим: “Свят, свят, свят, Г-сподь Воинств”.

Эта фраза имеет важный вес для всего мира, ведь весь мир стоит на *Кдуша де-сидра* (Кдуша, которую говорят после Ашрей), как сказано в “Мишна Брура” (132:5). Поэтому нет никакого смысла у вопроса, восхищаются ли этим другие, или нет, в любом случае, говоря это, мы освящаем Имя Творца.

Однако, как и остальные заповеди, заповедь освящения Имени Творца тоже требует *каваны* (душевного настроения). Если человек не думает о том, что он делает, он упускает заповедь, которую мог сделать, поэтому желательнее иногда останавливать бег жизни и уделять несколько мгновений мысли: «Что я сейчас делаю? Я выполняю заповедь “и буду Я освящен среди сынов Израиля”. Каким образом? Порой – говоря *Кдуша*, порой – пойдя на урок Торы, порой – делая правильный выбор, когда никто не замечает этого. В любом случае, нет сомнения, что я сейчас удостоиваюсь выполнить эту чудесную важную заповедь, чью великую ценность невозможно и представить себе».

Перевод: г-жа Лея Шухман

По материалам уроков
рава Игаля Полищука

Рана трагедии в Симхат Тора еще далека от заживания. К ней постоянно, день за днем, добавляется боль из-за ежедневно гибнущих наших братьев, страдания пленных заложников и их семей. Корень этого - противостояние Израиля и Ишмаэля, которое сейчас сильно как никогда, и противостояние это продолжает угрожать жизни наших братьев... Рав Моше Шапира ל"ז на одном из уроков говорил, что у Ишмаэля есть сила молитвы, и лучшее, что мы можем сделать – это противопоставить ему нашу молитву. Что имеется в виду, и как это осуществить?

В Торе есть два места, где упоминается молитва в связи с рождением Ишмаэля. Первое – в главе Лех Леха, где Агарь ведет себя неподобающим образом по отношению к Саре и убегает от нее. Далее Агарь удостоивается великой чести – к ней обращается *малах*, ангел (есть мидраши, говорящие, что было трое ангелов), и говорит так (Берешит, 16:11): «И сказал ангел Творца: ты забеременеешь и родишь сына... и назовешь его именем Ишмаэль, потому что услышал Всевышний твою боль (твои страдания)». Ункелус переводит это как «и услышал Всевышний твою молитву». Тот, кто немного знаком со святым языком, видит, что имя Ишмаэль состоит из двух слов: *ишма* – «услышит», и буквы «алеф» и «ламед» – это Имя Всевышнего. В стихе Торы употребляется глагол «услышал», но, как известно, страдания скорее можно увидеть, чем услышать, и поэтому Ункелос переводит это как «услышал твою молитву». Таким образом, само рождение Ишмаэля – это награда Агарь за ее страдания и ее молитвы.

В книге рава Пинкуса о молитве (есть в русском переводе, «Врата в мир молитвы») приводится одно из названий молитвы – *бицур* – от слов *бе-цар*, в тяжелой ситуации. Речь идет о том, что человек взывает ко Всевышнему в беде. Видится, что к этой же категории относится и молитва Агарь из приведенного выше отрывка.

Далее в главе рассказывается о рождении Ишмаэля (Берешит, 16:15): «и родила Агарь Аврааму сына, и дал Авраам имя сыну своему... Ишмаэль».

Гол прот

Здесь не упоминаются причины, по которым было выбрано именно это имя. С одной стороны, нам известно, что у Авраама был *руах а-кодеи*, дух святого постижения, но именно в этом отрывке, в отличие от большинства аналогичных, не приводится, почему именно это имя было дано! Объяснение, точнее, одно из объяснений мы приведем ниже.

Далее, в главе Вайера, идет рассказ об изгнании Агарь и Ишмаэля. Раши пишет, что Авраам, изгоняя Агарь и Ишмаэля, не очень позаботился о них, потому что (пишет Раши) Авраам возненавидел своего сына (Ишмаэля) за то, что тот стал преступником. Ишмаэль был болен, и мать несла его на плечах (он был уже взрослым юношей). Когда кончилась вода, она усадила его возле одного из кустов и отошла подальше, чтобы не видеть его смерть. Дальше говорится (Берешит, 21:16): «и подняла свой голос и плакала». Здесь тоже идет речь об особой молитве – молитве сквозь слезы.

Далее говорится (Берешит, 21:17): «И услышал Всевышний голос юноши (Ишмаэля)». Здесь мы видим из самого текста Торы, что и Ишмаэль также молился! Отсюда наши мудрецы выучили важное правило: молитва самого больного принимается быстрее и лучше, чем молитвы других о нем!

Далее ангел обращается к Агарь, говоря (Берешит, 21:17): «Не бойся, ибо услышал Всевышний голос юноши таким, как он есть (невзирая на то, сколько бед и страданий он еще принесет)». Таким образом, мы видим, что жизнь Ишмаэлю

Молитва в час беды

ос Яакова ив Ишмаэля

была дарована в силу молитвы его матери, а его спасение, когда он умирал в пустыне – в силу его собственной молитвы.

Есть еще один момент, который мы перескочили в нашем описании событий. В конце главы Лех Леха, когда еще не был отторгнут Ишмаэль, Всевышний обещает Аврааму, что родится Ицхак у его жены Сары. Авраам просит за Ишмаэля (говоря: «Лишь бы Ишмаэль жил пред Тобою», т.е. был Б-гобоязненным), на что Всевышний отвечает ему, что родится Ицхак, и Всевышний заключит Свой завет с ним и с его потомством. Говорит Тора (Берешит, 17:20): «И про Ишмаэля Я тебя тоже услышал, и благословил его плодovitостью, и умножу его чрезвычайно». Видится, что это благословение – очень умножить потомство Ишмаэля – начало реализовываться около 1400 лет тому назад. А особенно заметно это стало в последние 100 лет.

Мы видим (если внимательно прочитаем отрывок), что Всевышний обещает Аврааму, что Его завет будет с Ицхаком – до всех последующих событий: до того, как Сара узнала о греховности Ишмаэля, до рождения Ицхака... Ишмаэль при этом тоже получит свое благословение – но не такое и не так.

Можно обратить внимание, что вся сила Ишмаэля – лишь в силу молитвы: молитвы его матери, молитвы его отца, Авраама, и его собственной! При этом, кроме молитвы Авраама, все молитвы здесь – *бишур* – просьбы о спасении в беде.

Как мы писали выше, само имя Ишмаэль означает «услышит Всевышний». Что же Он услышит? Во-первых, говорит нам Тора, это молитва его матери, Агарь. Кроме того, мы читаем и про

то, что «услышал Всевышний голос юноши» – то есть самого Ишмаэля. Есть мидраш, говорящий: имеется в виду, что Всевышний услышит молитвы Израиля, который страдает из-за Ишмаэля.

Теперь мы можем вернуться к вопросу, который оставили открытым выше: почему не названа причина, по которой Авраам назвал таким именем старшего сына. Рав Моше Шапиро замечает, что Тора не говорит нам прямо, что имел в виду Авраам, когда назвал сына этим именем. Объяснение намерения Авраама: просьба, чтобы Всевышний услышал молитвы Израиля, который страдает из-за Ишмаэля.

В святой книге «Зоар» сказано, что у народа Ишмаэля есть некоторое преимущество перед всеми другими народами, поскольку им дан Всевышним завет *брит мила* (не такой и не на таких условиях, но все же завет!). Поэтому ишмаэлиты охраняют и властвуют на Земле Израиля до тех пор, пока не наступит окончательное избавление, *геула*. Более того, противостояние евреев и арабов в последнее время так сильно именно в силу того, что *геула* близка как никогда, и, чувствуя это, Ишмаэль никак не хочет расстаться со своей властью, старается всеми силами хоть как-то укрепиться здесь. Однако мы, евреи, должны выстоять в этом сражении, и есть проверенное средство. Как говорил рав Моше Шапиро: «Молитвам Ишмаэля нужно противопоставить наши молитвы!»

Молитвы о всем необходимом: о спасении пленных, об излечении раненых, о Тшуве всего народа Израиля и об окончательном Избавлении! Это должны быть молитвы *бишур* – в час беды и со слезами!

В обычный день мы молимся три молитвы: Шахарит, Минху и Маарив. В Талмуде, в трактате

Брахот обсуждается источник этих трех молитв. Одна из точек зрения: эти три молитвы установили наши праотцы: Авраам – утреннюю, Ицхак – послеполуденную и Яаков – вечернюю. Другая точка зрения – в соответствии с тем, что три раза в день приносили жертвы в Храме, наши современные молитвы как бы заменяют жертвоприношения и соответствуют им. Однако нет спора в том, что сила молитвы нашего народа заложена в молитвах наших праотцев и праматерей.

Есть в нашем народе основа молитвы, заложенная в нас праотцами: сила молитвы.

Наши мудрецы называли молитвы в час беды «голосом Яакова». Яаков учредил вечернюю молитву, уходя в изгнание к Лавану. Вечерняя молитва соответствует периоду изгнания, сокрытия Лица Творца.

Нам нужно вернуть себе «голос Яакова»! Чтобы быть услышанными Всевышним, нам надо молиться так, как Он от нас этого ждет – взывать со слезами к нему в час беды!

Молитва основывается, прежде всего, на вере в то, что наши слова слышимы Всевышним. Это означает не просто то, что Он знает о том, что мы молимся и какими словами, но сами наши слова имеют вес: само правление миром может измениться в силу наших молитв. Это говорит Мишна в трактате Брахот (4:4): «Тот, кто молится молитву постоянно (как постоянный долг), его молитва – не моление». Что означают эти слова? У каждой заповеди есть несколько составляющих, и одна из них – *кавана*: намерение, смысл, который мы вкладываем в эту заповедь. Одной из *каванот* любого действия является намерение исполнить повеление Всевышнего просто как физическое действие. Однако в молитве такого намерения самого по себе недостаточно для ее полноценного исполнения. В молитве обязательно должны присутствовать *тахануним*, моления. Мы должны просить, зная, что наши слова будут обязательно услышаны и могут быть приняты, и просить об этом! Если же человек молится, но не просит о том, что ему по-настоящему нужно – есть сомнение у некоторых законоучителей, исполнил ли он вообще заповедь о молитве, и не нужно ли ему молиться заново. Алаха говорит, что не надо молиться второй раз – однако, если есть в этом сомнение, значит, каждый должен стараться исполнить заповедь наилучшим образом, упрашивая Всевышнего исполнить наши просьбы!

Есть еще один аспект в молитве, о котором говорил рав Пинкус, ссылаясь на Аризала. Что делает молитву непригодной? *Ацвут* (грусть,

печаль, депрессия)! Это изначально несовместимое с молитвой чувство! Ведь что такое отчаяние? Когда человек уверен в напрасности любых усилий, он не просит у Всевышнего! Молитва получается «бессмысленной»! Ведь нам надо не просто верить, а знать, что Всевышний слышит все, что мы Ему говорим, и Он отвечает нам на наши молитвы! Именно в самой горькой и, казалось бы, безвыходной ситуации нужна истинная молитва, и молитва наша имеет особую силу! Но, в любом случае, какой бы тяжелой ни была ситуация, обращаясь к Всевышнему, нужно делать это в радости или, во всяком случае, не в печали, не в депрессии. Если больно – плачьте, рыдайте, изливайте сердце Творцу, но не в отчаянии, а с надеждой!

Пророк Хавакук установил всю Тору на одну основу: праведник верой своей будет жить! Сила всех заповедей в том, что мы исполняем их с верой, с доверием к Творцу. На практике правило это проявляется в том, что вся жизнь праведника строится вокруг его молитвы. Доверие к Творцу выражается в искренней молитве!

Есть еще один аспект, о котором не все знают. Написано, что *руах а-кодеш*, дух святого постижения, не снисходит на того, кто не находится в состоянии радости! Когда человек находится в возвышенном состоянии духа, то его разум прилепляется к Высшему разуму – и нечто подобное мы наблюдаем в молитве. Мы уже писали о раби Ханине бен Досе, который по своей молитве за больного знал, будет тот жить, или нет. Откуда он это знал? Он чувствовал, как его молитва воспринимается Наверху! Молитва в идеале – это состояние, когда человек находится в величайшей близости к Творцу.

Рассмотрим молитву «Шмоне Эсре». Эта молитва называется не просто *амида* – она называется *амида лифней а-Мелех*, стояние перед Царем. Это особое состояние проявляется в том, что посередине этой молитвы нельзя прерваться! Если взять для сравнения «Шма, Израэль», отрывки до и после «Шма» – посередине в особых случаях можно прерваться, ответить что-то. Не прерывать полностью, занявшись посторонними делами! Но даже такое разрешение – это потеря концентрации на какой-то момент.

Если же мы говорим про молитву «Шмоне Эсре», то в ней прерываться нельзя! Исключение – только если есть ситуация *пикуах нефеш*, опасность для жизни. Настолько, что «даже если царь (из плоти и крови) обращается к нему (молящемуся), он не может ему ответить». Если же,

продолжая пример, есть опасность, что царь может его убить, то надо ему ответить, но ни в каком другом случае!

Очень важно быть радостным в разговоре с Творцом. Как-то рав Пинкус заметил, что *ацвут*, упадочное настроения в молитве, сродни *кфире* – отрицанию основ веры во Всевышнего! Иными словами, *ацвут* – вещь, противоположная вере во Всевышнего. И, если мы хотим удостоиться близости к Всевышнему, то это состояние глубокой грусти нас, наоборот, отдаляет от Него, и в таком состоянии мы не можем молиться.

При этом не надо путать состояние депрессии с состоянием *лев нишбар*, разбитого сердца. Мы обращаемся к Творцу как к единственному Спасителю, когда только Он может нам помочь. Это – молитва через страдание, через слезы, и такая молитва нашего народа была услышана много раз.

Если мы противопоставим Ишмаэлю нашу цельную молитву, она будет очень эффективна – нам не только будет легко справиться с кознями врагов, эти козни рассыплются сами!

Особенно наша молитва будет эффективна, если мы изучаем Тору, и исполняем ее. Если мы внемлем Его голосу, мера за меру, и Всевышний внемлет нашему. Однако истинная молитва в беде сквозь слезы может быть принята без всяких условий.

Битахон означает, как правило, уверенность во Всевышнем. При этом уверенность в чем-то или в ком-то другом не может совмещаться с уверенностью во Всевышнем – это взаимоисключающие понятия. Совершенная, искренняя молитва возможна только в том случае, когда человек точно знает, что только от Всевышнего может прийти к нему спасение. Несмотря на то, что мы предпринимаем и усилия, эти усилия не должны уменьшать эту веру! Это – то, что написано о временах перед приходом Машиаха: будет очень тяжело, и все поймут, что нам не на кого опираться, кроме как на нашего Небесного Отца. То, что мы можем противопоставить сегодня Ишмаэлю – это наши молитвы в том виде, который мы получили

от наших праотцев – Авраама, Ицхака и Якова, которые установили наши молитвы, в особенности полноценный «голос Якова»!

Поднимемся на еще один уровень (хотя бы попытаемся). Говорят наши мудрецы, что Всевышний страдает нам. Ему больна наша боль! Кроме того, в тяжелом состоянии народа избранного Творцом, в особенности, части народа преданного Торе и Всевышнему есть осквернение Имени (*хилуль ашем*). Исправление этого – окончательное избавление. Это суть молитвы Кадиш:

«Да возвеличится и освятится Великое Имя.» Чтение и слушание Кадиша, вникая в сказанное – это чрезвычайно важное исправление самого себя и всего нашего народа.

Все мы знаем трагедию кантонистов. В связи с этим известен случай, когда группа больших раввинов Российской империи «застряла» в Петербурге в Дни Трепета, и все они были вынуждены быть там и на Йом Кипур. В Петербурге того времени были синагоги, и среди прочих – евреев-солдат. В эту синагогу пришли раввины, и их приняли с большим почетом и уважением, однако перед Неилой (самой возвышенной, завершающей молитвой Йом Кипура) к уважаемым раввинам обратились с просьбой. В

той синагоге было принято, что один из солдат, бывший кантонист, ведет Неилу для общины. И вот один из собравшихся, такой же старый огрубевший солдат, как и все остальные, обратился к товарищам, зная и чувствуя все то же, что и они: о чем обычно просят евреи в Йом Кипур? О жизни, о пропитании, о детях... Жизнь нам не нужна – кому нужна такая жизнь? О пропитании мы тоже не заботимся, нас кормит царь, а большее нам и не нужно. Дети? У нас мало шансов жениться и завести детей когда-нибудь. О чем мы вообще можем просить? Только об одном: чтобы освятилось и было освящено Великое Имя! С этими словами он начал читать Кадиш: «Да возвеличится и освятится Великое Имя.» и продолжил молитву Неила. Дай Б-г нам всем удостоиться такого же высокого уровня веры и молитвы!

Подготовила: 2-жа Адасса Швальб

Когда молитва имеет особую силу?

Бейт Элоким

Рабби Моше бен Йосеф
из Терани (а-Мабит)

Раздел «Тфила»

Глава 1

Определение понятия «тфила»

Следует определить понятие «тфила», ведь от него зависят несколько очень важных вещей, как мы еще покажем, с Б-жьей помощью. И мы находим, что верным и исчерпывающим определением является следующее: **просьба человека, к Б-гу, о том, что нужно человеку, но оно не в его распоряжении.**

[Теперь а-Мабит подробно разбирает свое определение, каждую часть его по отдельности, в порядке слов, из которых составляется это определение на Святом языке. – Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика]

«**Просьба**» означает, что не подобает человеку просить о своих нуждах у Всевышнего, благословен Он, категорично, как будто Всевышний обязан исполнить его просьбу, подобно тому, кто требует от другого человека вернуть ему долг. Правильно же делать это, упрашивая и моля, подобно бедняку, который просит у того, кто ничего ему не должен. Ведь что человек дал своему Создателю, чтобы иметь право требовать у Него, как сказано: «Кто упредил Меня, чтобы Я платил ему? Все поднебесье принадлежит Мне» (Иов, 41). Мудрецы (Ваикра Раба, 27) толковали этот стих так: «Я дал ему дом, и лишь потом сказал ему: “Сделай ограждение на своей крыше” и “Напишите эти слова на косяках своих”, дал ему поле, и потом сказал: “не паши на быке и осле одновременно”, и т. д.».

Простое же понимание этого стиха таково: если кто-либо решил, что своими добрыми делами он упредил Меня, и поэтому просьбы его, обращенные ко Мне, звучат как требования, – такому человеку Я могу «выплатить» тем, что существует под

Моими небесами. Но если человек понимает, что никто не может упредить Меня, пока Я не сделаю ему добра, и молит о милости – Я не стану расплачиваться с ним тем, что у Меня есть в этом низменном мире, который под небесами, мире ограниченного и преходящего бытия. Нет, ему Я заплачу в высшем мире, мире Грядущем, о котором сказано: «...Глаз не видел, кроме Тебя, Б-г, того, что будет сделано тем, кто его ждет» (Йешаяу, 64). Речь о том, что будет сделано для тех, кто ждет Его – ожидает справедливой награды за свои старания, но не рассчитывает на нее, как на что-то, что ему должны, а как на проявление доброты и милость. Как сказали мудрецы (Авот, 2): «Молитва твоя должна быть не постоянной (**обязывающей**), а мольбой, к Всевышнему, как написано: “Так как жалостлив и милосерден Он... и отменяет злой” (Йоэль, 2)». Постоянная (**обязывающая**) молитва означает, что человек уверен: его молитва непременно будет принята, и он добьется исполнения желаемого, так как сама его молитва **обязывает** исполнить его просьбу. Правильно же, чтобы человек обращался к Творцу с мольбой, признавая, что ничего не заслужил своими делами, и лишь уповая на милосердие Его. Именно так человек и достигнет желаемого, ибо никто не может спастись от беды, подстерегающей его, кроме как милостью Б-жьей, о чем и говорил пророк: «Жалостлив и милосерден Он... и отменяет злой». То есть, милосердие Его заключается в том, что Он отменяет жестокий. Ведь если бы Всевышний не проявил Качество Милосердия, а только действовал бы Качество строгого Суда, то не отменял бы злой. Так как никто не имеет права утверждать, что ему **полагается**, чтобы Творец отвел от него свой гнев, – об этом можно лишь умолять, надеясь на Его милосердие и жалость, Качество же Милосердия Всевышнего распространяется и на недостойных. Как говорили мудрецы (Брахот, 7): «“И сжалюсь я над тем, над

кем сжалюсь” – несмотря на то, что ему не полагается, “и окажу милость тому, кому окажу” – несмотря на то, что он не стоит того». Ведь на самом деле достаточно было бы сказать “и сжалюсь, и окажу милость”, а Он сказал: “над кем сжалюсь; тому, кому окажу милость” – то есть, милосердие распространится именно на этих людей, а не на других, и, несомненно, речь идет о людях недостойных. Ибо о настоящих праведниках Всевышний не говорит, что Он пожалеет их (то есть, только их) – так сказать было бы неправильным, ведь Он щадит и милует и их, и все поколение в их заслугу. А жалость упоминается перед милостью потому, что «жалость» (חַנּוּן) сродни слову «приязнь» (יָרַם) – Всевышний наделяет недостойного приязнью, чтобы потом была возможность смилостивиться над ним.

Однако мы находим (Таанит, 19), что Хони а-Меагеля обвиняли в нарушении этих правил, так как он заявил: «Не выйду из этого круга (который он очертил вокруг себя), пока Ты не смилостивишься над Своими детьми!» Это выглядит так, будто он действительно требовал у Всевышнего, как сказали о нем: «ты подобен любимому сыну», который неподобающим образом требует у отца, не признавая отказа, а отец выполняет все его желания. Так и Хони – начертил круг, и ступил в него, намекая, что если бы Всевышний не смилостивился над Своими детьми, они оказались бы как будто заключенными в такой круг. То есть, оказались бы запертыми в рамках нашего шарообразного мира, под властью созвездий и небесного воинства. Когда же Творец сжалился, он вышел из круга, показывая, что когда евреи – праведники, никакие ангелы и созвездия не властны над ними, а наоборот – подчинены им. Как сказано о праотце Аврааме: «“И вывел его наружу...” (Берейшит, 15) – вывел его из рамок этого мира, и сказал ему: смотри и т. д.» (Берейшит Раба 14). Всевышний продемонстрировал Аврааму, что духовные системы подчинены ему, а не он – им. И сказал ему: «Таким будет и твое потомство» (там же), то есть, как ты – выше влияния созвездий, так и твои потомки, которые станут праведниками, подобно тебе, будут неподвластны им.

Слово «человек» призвано научить нас, что только человеку подобает молиться,

из-за различных неприятностей, которые могут случиться с ним в этом мире. Но не ангелам, которые находятся выше небесных сфер, и ничего дурного не может приключиться с ними, и не может быть у них недостатка ни в чем, а заняты они тем, что провозглашают величие и святость Творца, в соответствии со своим уровнем и постижением. И животным, принадлежащим этому низменному миру, , ведь у них нет разума, чтобы просить о своих нуждах, и Он, Благословенный, сотворив их, дает им все необходимое и готовит для них пропитание – траву и другие растения, которые произрастают сами, без чьих-либо усилий и труда. Так же, как и сами животные не должны прикладывать усилий, чтобы реализовать смысл собственного существования, ведь замысел их сотворения состоял в том, чтобы они приносили пользу человеку.

Однако человек, который призван усердно трудиться над Торой и совершением добрых дел в этом мире, питаться тоже должен не тем, что растет само, а тем, к чему нужно приложить усилия и труд, чтобы превратить в пищу для человека. Так задумано, чтобы продемонстрировать цель создания человека, как это сделал рабби Акива, предъявив римскому императору колосья и хлеб в ответ на вопрос: «Что лучше – творение Всевышнего или творение рук человека?» (см. Мидраш Танхума, гл. Тазриа). Рабби Акива сказал ему: «Творение рук человеческих лучше», так как понимал, что император намекает на обрезание: мол, раз Всевышний сотворил человека необрезанным, зачем же мы портим созданную Им форму. Рабби Акива сообразил, какой пример привести: колосья, которые создал Творец, и хлеб, испеченный человеком. Так же, как последний красивее на вид и аппетитнее колосьев, благодаря человеческому труду – многочисленным работам, от пахоты до выпечки, так и цели, для которой был сотворен человек, невозможно достичь без труда и усилий его в Торе и добрых делах в этом мире, ведь сказано: «все в руках Небес, кроме трепета перед ними» (Брахот, 33).

И этому же нас учит заповедь обрезания на восьмой день от рождения ребенка: человек создан не для того, чтобы жить по обычным законам природы, подобно животным. А для того, чтобы прикладывать

усилия, совершая продуманные поступки в соответствии с волей Творца, и также для того, чтобы своими руками ослабить то, что может подтолкнуть его к греху, а именно – крайнюю плоть. Поэтому на восьмой день обрезается крайняя плоть человека, чтобы показать – он поднимается над естественным порядком вещей, который символизируют семь дней недели: шесть дней деятельности, и седьмой, сотворенный для отдыха. Таким образом, человек включает в себя и ангела, стоящего на высочайшей духовной ступени, и животное, находящееся в самом низу.

Еще можно добавить, что в основном молитва предназначена не просто для человека, а для сыновей Израиля, как сказал пророк: «А вы – стадо Мое, стадо, которое Я пасу...» (Йехезкель, 34). Я сам пасу вас, подобно тому, как пастух, у которого есть многочисленное стадо, отдает его по частям под наблюдение других пастухов, а самую лучшую, отборную его часть оставляет при себе, чтобы самому следить за ней и заботиться о ее благополучии. И сказал пророк: «Вы – “человек”», имея в виду следующее: «То, что Я называю вас “стадом” – это лишь по отношению ко Мне, ведь вы – моя паства, однако относительно остальных “стад”, которые не являются таковой, вы – “человек”», как уточнили мудрецы из этого стиха: «Вы называетесь “человек”».

И поэтому именно молитва Израиля принимается, так как они находятся под Его сенью и не управляются никакими важными ангелами и созвездиями. Об этом упоминал в своей молитве Моше рабейну, говоря: «они – Твой народ и Твой удел» (Дварим, 9). Под этими словами он подразумевал, что поскольку евреи – народ Всевышнего и Его удел, как сказано: «Так как доля Всевышнего – народ Его...» (там же, 32), стоит простить им их прегрешения и принять их раскаяние и молитву.

А слова «к Б-гу» учат нас, что нельзя обращаться с просьбами ни к кому, кроме Всевышнего, благословен Он, – ни к высшим ангелам (т.н. *сарим*), которым мы не подчинены, ни к обычным – только к Всевышнему, который – наш Б-г. Даже в то время, когда сыны Израиля изменили, и им было сказано: «Вот Я посылаю перед тобой ангела, чтобы охранял тебя в пути...»

(Шмот, 23), и еще сказано там же: «Остерегайся его, и не бунтуй против него, так как не будет он сносить ваши преступления...», и это выглядело, как будто ангел являлся посредником между нами и нашим Творцом, – сразу же Тора оговорила, что ангел был только посланцем, дабы привести нас в Землю Израиля. Как сказано (там же): «... Пойдет впереди тебя Мой малах...» [*слово «малах» означает и ангел, и посланник*], и сказано (там же): «Не поклоняйся их богам и не поступай подобно им», а прямо рядом с этим написано: «Служите Г-споду, Б-гу своему, и благословит Он твой хлеб и воду (пищу и питье), и устраню Я болезнь из среды твоей». То есть, хотя и послал Он впереди вас ангела, сказав: «Остерегайся его, и не бунтуй против него...», при всем этом, молитву, которая есть служение сердцем, вы не имеете права обращать ни к кому, кроме Всевышнего, который есть избравший вас Б-г. Он наблюдает за вами и заботится о вас, как в общем, так и о каждом человеке по отдельности. Поэтому сказано: «благословит Он **твой** хлеб», хотя следовало бы сказать: «благословит Он **ваш** хлеб», но тогда можно было бы понять это так, что Он благословит ваш хлеб – в общем, а некоторым конкретным людям ничего не достанется от этого благословения. Поэтому Он сказал «твой хлеб»: если будете служить Ему вместе, объединившись и сосредоточившись, тогда благословение будет не только общим – для каждого человека в отдельности Он благословит хлеб и воду. И еще подробнее написано: «...и устраню Я болезнь из среды твоей», потому что причиной большей части болезней является некачественная пища, когда же она будет благословлена, тем самым удалится и болезнь из среды Израиля. То есть, когда человек будет вкушать благословленную пищу, она попадет ему в желудок, уже будучи совершенно безвредной для него.

А еще можно объяснить слова «...и благословит Он твой хлеб и воду, и устраню Я болезнь из среды твоей» так: бывает, что человек не ограничивается хлебом и водой, заботясь о своем здоровье, как говорил рабби Йоханан (см. Хулин, 84) о Раве, который сказал: «следует прислушаться к словам старца», а именно – рабби Элазара бен Азарьи, утверждавшего, что «тот, у кого есть

манэ (небольшая сумма денег), пусть купит домой овощей, а не мяса и т. д.» Сказал рабби Йоханан: «Аба [так на самом деле звали того, кого мудрецы Талмуда, отдавая дань его величю, именовали просто Рав] был из семьи здоровых, но мы, которые не из здоровых, должны каждый грош, который появился у нас, нести к лавочнику [то есть, покупать разнообразную еду]», и не изнурять себя недоеданием, в результате доводя себя до необходимости просить помощи у людей из-за болезней. А рав Нахман говорил (там же), что такие (не отличающиеся запасом здоровья), как мы, должны обеспечивать себя питанием, даже если у нас не осталось ни копейки, и придется брать деньги взаймы для этого. И об этом говорит стих «...и благословит Он твой хлеб и воду, и устранию Я болезнь из среды твоей» – имеется в виду, что на хлебе и на воде будет благословение здоровья, так, чтобы человек, который питается ими, не болел и не нуждался бы в мясе и вине.

Сказано «устраню Я», а не «устранит», как это было сказано о хлебе: «благословит», потому что провидение Всевышнего в области спасения Его созданий от беды имеет характер более личного отношения, чем то, которое относится к области надления их благом, ведь благом Он наделяет всех, как сказано (Теилим, 145): «Добр Г-сподь ко всем...». Когда же создания попадают в беду и нуждаются в спасении, по отношению к ним требуется провидение милосердия более частного порядка. Поэтому и говорится по поводу благословения в третьем лице, а по поводу спасения или исцеления больных и страждущих сказано – «устраню Я». То есть, Я устранию недуг из среды вашей таким образом, чтобы вы познали и уразумели из этого, что Я – тот, кто спасает и исцеляет все живое, заботясь о каждом из вас лично, когда служите Мне всем сердцем вашим.

И еще в этом стихе содержится намек на причину, по которой следует молиться только Всевышнему, и никому другому – потому что Всевышний способен удовлетворить нужды всех, кто обращается к Нему, что неподвластно более никому. Поэтому сказано: «Служите Г-споду, Б-гу своему», потому что Он может благословить твой хлеб и воду, и устранить болезнь из

среды твоей, чего не могут другие. Ведь если ты обратишься к человеку и станешь служить ему, он не сможет спасти тебя от твоей беды, а если иногда и сможет выручить из беды, то не сможет сделать тебе добро. Так как даже ангелы, обитающие в высотах, – каждый из них отвечает за что-то одно, и не может ничем помочь человеку в области, неподвластной ему. И даже в подвластной ему области – в том, что поручено ему, он не может полностью удовлетворить нужды человека, кроме как с соизволения Всевышнего, благословен Он.

Сказано в Иерусалимском Талмуде (Брахот, глава «а-Роэ»), что из плоти и крови, то в случае беды он обращается к одному из приближенных этого покровителя, и приближенный докладывает тому: «такой-то стоит снаружи у входа». А у Всевышнего не так – если у человека случается беда, : не взывай ни к Михаэлю, ни к Гавриэлю, а обратись к Святому, благословен Он, и Он ответит тебе, как сказано: «Каждый, кто будет взывать Именем Г-спода, спасется». Тем самым нас учат, что если обратиться к Михаэлю или Гавриэлю, то им понадобится разрешение Всевышнего, как в примере с земным покровителем – его приближенный докладывает ему о просителе в дверях, а покровитель сообщает – желает ли, чтобы тот вошел, или нет. По аналогии с этим нас и предостерегают – не обращайтесь к Михаэлю и Гавриэлю, которые обязаны спрашивать разрешения у Творца, а обращайтесь к Нему самому, и Он тут же ответит, как написано: «Каждый, кто будет взывать Именем Г-спода, спасется». Потому что уже одно то, что он назвал Имя Всевышнего, даже не успев завершить свою просьбу, спасает его. Ибо с помощью «служения Всевышнему всем сердцем», а именно – сосредоточенной молитвы, человек получит все, что пожелает для постоянного служения Творцу в этом мире – это касается как хорошего, так и дурного: добро будет послано ему, а преследующее его зло – устранено.

А слова «о том, что нужно» указывают на то, что человеку не следует молиться Всевышнему о вещах, в которых нет необходимости, потому что тем самым он как будто утруждает Создателя напрасно (Таанит 24). Ведь то, что молитва принимается – это чудо, существующее вне

законов природы, так как если мазаль (положение звезд) предсказывает человеку дурное, он может спастись с помощью молитвы (см. Шабат 156). И сказано (Шмуэль II, 23): «Праведник властвует Б-гобоязненностью» [Комментаторы говорят, что праведник, благодаря своей Б-гобоязненности, получает как будто власть даже отменить суровый приговор Всевышнего]. А Создатель не желает отменять сотворенного и оформленного Им мира без необходимости.

А евреи были уже однажды наказаны за то, что просили о том, в чем не было необходимости, когда сказали (Бемидбар 11): «Кто накормит нас мясом?» Моше было сказано на это: «А народу скажи так: освятитесь [готовьтесь] назавтра, и будете есть мясо, потому что плакали вы во услышание Г-спода, говоря...». Потому, что они не просили Всевышнего напрямую, чтобы дал им мясо, а как будто говорили между собой, огорчаясь отсутствию мяса. Они имели в виду, что раз Моше не может их накормить мясом, как он сам сказал: «Откуда мне взять мясо?», тогда кто же накормит их, если не Всевышний, который «насыщает все живущее по желанию его». Поэтому Всевышний велел Моше: «собири Мне семьдесят мужей... и будут нести вместе с тобой бремя этого народа», который думает, что ты не в состоянии сам удовлетворить их желания и нужды. «А народу скажи: освятитесь назавтра» – то есть, семьдесят мужей Я присоединил к тебе не для того, чтобы удовлетворить их просьбу о мясе, так как им ты скажешь, что они не готовы есть мясо из-за того, что просили об этом только у тебя; но при этом замысел их был в том, чтобы Я услышал их разговоры. Поэтому пусть готовятся только назавтра, и будут есть мясо, ибо «плакали во услышание Г-спода».

Имеется в виду, что они говорили «кто накормит нас» так, чтобы Всевышний услышал, что они говорят. Поэтому сказано было им: «И даст Г-сподь вам мясо, и будете есть» – то есть, удовольствие от мяса вы получите только во время еды, как сказали: «кто накормит нас?» – не «кто даст нам мясо», а «кто накормит». И мясо они возжелали только для того, чтобы получить удовольствие от его вкуса во время еды, поэтому им был вынесен приговор:

«пока мясо еще меж зубами у них, и не успели прожевать его – возгорелся гнев Г-спода на народ...» Все, чего они хотели – это удовлетворить свое желание вкусно – потому и разгорелся гнев прежде, чем успели почувствовать вкус.

[Здесь автор показывает, что проблема еврейского народа в этой истории была не в том, как они выражали свое желание. В конце концов, слова «кто накормит нас» были рассчитаны на то, что их услышит Всевышний, и поэтому считаются молитвой. Суть же проблемы заключалась в том, что просили они о том, что вовсе не являлось необходимостью.]

Подобное мы находим в трактате Таанит (24), в истории с рабби Йосеем из Юкрата, который наказал своего сына за то, что тот побеспокоил Создателя, упросив Его, чтобы смоковница принесла плоды до того, как они должны были созреть, – и умер его сын преждевременно.

Слова «не в его распоряжении» учат нас, что даже о необходимых вещах не следует молиться Б-гу, если у человека достаточно возможностей, чтобы самому достичь желаемого. Ведь даже если тот, у кого осталось лишь немного хлеба – всего на одну трапезу, говорит: «что я буду есть завтра?», то он считается маловером (Йевамот 63). Тем более, молиться Всевышнему, чтобы дал ему пропитание, пока он в состоянии прокормиться тем, что у него есть, или может заработать хоть самую малость, как писал Давид, благословенной памяти (Теилим 60): «Окажи нам помощь – от беды, спасение же человеческое – пустое», то есть – раз мы не можем естественным путем спасти сами себя, и попытки сделать это напрасны, так окажи нам помощь – от беды. Поэтому что когда мы сами в состоянии спастись естественным путем, мы не станем просить Всевышнего, чтобы Он совершал чудеса для нашего спасения.

В этом правиле [автор возвращается здесь к предыдущему правилу, сформулированному им – просить следует только о том, что человеку необходимо] можно было бы усомниться, читая о том, как много молился Йеошуа Всевышнему [прося остановить ход небесных светил] уже после того, как Он отдал эморейцев в руки сынов Израиля, и уже сотворил великое

чудо, когда враги были забросаны большими камнями. Из текста там видно, что война была уже выиграна, так зачем же нужно было останавливать солнце в Гивоне и луну в долине Аялон? Это не соответствует сформулированному нами правилу – просить только о необходимом.

Можно, , сказать, что это великое чудо было нужно Йеошуа, чтобы освятить имя Всевышнего – весь мир должен был увидеть, что чудо падающих с неба камней исходит именно от Творца, благословен Он, и что Он способен сотворить еще большее чудо, ведь то чудо случилось ночью, как написано (Йеошуа 10): «И напал на них Йеошуа внезапно, ночью... и напугал их Г-сподь перед Израилем... и когда они обратились в бегство... забросал их большими камнями насмерть... и больше погибло от каменного града, чем от меча сыновей Израиля. Тогда обратился Йеошуа к Б-гу...». Дело в том, что когда Йеошуа увидел, что, пытаясь спастись бегством, больше эморейцев погибает от каменного града, чем от меча сыновей Израиля, он понял: они решили, что именно тот факт, что их бегство на спуске из Бейт Хорона происходило ночью, позволил Всевышнему забросать их большими камнями и погубить многих из них. Однако если бы они убежали днем, думали они, Всевышний не смог бы сделать им ничего из-за солнца, которое является главным «властвующим» в течение дня. Подобно этому объяснили мудрецы (Берейшит Раба, в конце главы 50) Сдома: так как среди его населения были люди, поклонявшиеся солнцу, а были такие, кто поклоняется луне, Всевышний взыскал с них в тот час, когда солнце и луна вместе находятся на небосводе [иначе, когда бы ни был наказан Сдом, половина его населения могла заявить, что если бы наказание было запланировано на другое время суток, ничего не получилось бы – их идол защитил бы город], 16 Нисана [ибо не во всякое время года такое возможно], и написано (там же): «Солнце поднялось над землей». Так же и здесь сказано, что когда Йеошуа увидел, как они, приписывая Его Имени понятие усталости и ограниченности (считая, что Он не мог бы наказать их днем так, как сделал это ночью), он обратился к Всевышнему «в тот день, когда Он отдал эморейцев

в руки сынов Израиля, и произнес на глазах у всего Израиля: “Солнце в Гивоне – замри, и луна – в долине Аялон!”»

Это чудо видели все – оно было совершенно на глазах у всего Израиля, в отличие от чуда падающих камней, которое израильтяне не видели, а эморейцы были умерщвлены в стороне от них. Чудо же с остановкой солнца было сделано на глазах у всех, и все своими глазами видели, как оно простояло на месте целые сутки. Смысл этой остановки был в том, чтобы показать им: Всевышний, благословен Он, властвует над всеми Своими творениями, давая им силу нести свою службу и следовать точно по намеченному пути. И Он может также поменять их назначение, или вовсе прекратить их действие – даже такого великого, в глазах сотворенных, «властвующего», как солнце. Поэтому и сказано: «Солнце в Гивоне – замри, и луна – в долине Аялон!», и сказано также: «И встало солнце, и луна стояла, пока не отомстил народ своим врагам». То есть, солнце одиноко стояло, пока сыны Израиля, именуемые «народ» (как сказано (Дварим 4): «Кто есть великий народ, к которому близок Б-г»), не увидели отмщения своим врагам. Солнце удерживалось на месте, пока месть не была завершена, чтобы освятилось Имя Всевышнего, и чтобы народы узнали: власть Б-га и Его качество Суда простерты над врагами Его [т. е. готовы поразить их] и днем, и ночью. Поэтому солнце не двигалось с места, пока месть не была совершена полностью, и сказано: «И не было такого дня – ни до, ни после» – никогда не было совершено чудо, настолько ненужное – чтобы после того, как уже одержав победу, люди возвращались с войны, Всевышний услышал бы их просьбу сотворить им такое великое чудо, когда в этом нет необходимости. [То есть, обычно чудеса делаются для какого-нибудь грандиозного спасения, когда без чуда невозможно обойтись, здесь же уже ничто не угрожало Израилю – враг бежал!] Это было сделано только для того, чтобы всем стало известно – Б-г воюет на стороне Израиля!

Итак, теперь мы разъяснили и подтвердили определение понятия «тфила», а именно: «просьба человека, к Б-гу, о том, что нужно человеку, но оно не в его распоряжении».

Перевод: рав Овадья Климовский

Страх

Рав Шломо Левинштейн

Мы переживаем очень непростое время. Нас переполняют эмоции, порой живот сводит от страха. Теракты, сирены... Кто знает, что будет завтра?

И возникает вопрос. Что такое страх? Может быть, страх – это естественная реакция? Может быть, он необходим? А может быть, нам запрещено бояться?

Первым делом, следует отметить, что есть люди, которые по природе своей всего боятся, и есть те, которые не боятся ничего. Так же как есть люди гневливые и есть совершенно спокойные. Есть щедрые, а есть жадные. Каждый должен служить Всевышнему, используя те качества, которыми Тот наделил его.

Если мне страшно, о чем это говорит? Может быть, страх – это свидетельство недостатка веры? А может быть, наоборот, страх говорит о наличии веры? Может быть, мы обязаны бояться?

Написано в книге Коэлет (7:17-18): «Не слишком злодействуй и не будь глупцом – зачем тебе умирать преждевременно? Хорошо, если ты придержишься одного, но и не оставляешь другого, потому что Б-гобязанный использует все».

Объясняет «Мецудат Давид»: «Если ты столкнулся с чем-то пугающим, “не слишком злодействуй” – не бойся слишком сильно и не теряй самообладания, но и “не будь глупцом” – не будь беспечным, “зачем тебе умирать преждевременно” – тот, кто боится, рискует умереть от страха, а тот, кто не боится, – рискует умереть, так как недостаточно осторожен».

Когда человек попадает в опасную ситуацию, чрезмерный страх опасен сам по себе, от страха человек может умереть. Однако пренебрегать опасностью тоже нельзя. Если падают ракеты, если нападают террористы – это реальная опасность. Мы не должны бояться слишком сильно, но и не должны отмахиваться от угрозы.

Продолжает «Мецудат Давид»: «Хорошо, если ты придержишься одного, но и не оставляешь другого». – Хорошо, когда человек, попав в опасную ситуацию, испытывает страх, но при этом сдерживает его. “Б-гобязанный использует все. –” Б-гобязанный – это тот, кто в опасной ситуации немного боится, но при этом укрепляет свое сердце, чтобы не бояться. Тот, кто боится слишком сильно,

не полагается на Всевышнего. Тот, кто вообще не боится, не принимает во внимание возможность Его приговора».

Итак, человек не должен бояться слишком сильно, но и не должен пренебрегать опасностью.

Но если от нас требуется не бояться слишком сильно, значит, у нас есть власть над чувством страха. Человеку, которому страшно, кажется, что он ничего не может с этим поделать. Однако, сказано, что чрезмерный страх говорит о недостатке упования на Всевышнего. Человек, который боится, понимает, над чем он должен работать. Он должен укреплять свое упование на Всевышнего!

И об этом сказано в книге Йешаяу (33:14-16): «Устрашились в Ционе грешники, дрожь обуяла лицемерных. Кто выживет? Огонь пожирает! Кто выживет? Горят костры вечные! Тот, кто ходит по пути праведных, говорит правду, презирает дела грабителей, остерегается взяточничества, затыкает уши, дабы не слышать о кровопролитии, закрывает глаза, дабы не видеть зла. Будет он обитать в высотах, твердыни скал – опора его, хлеб его дан ему, вода ему обеспечена». Речь идет об осаде Иерусалима Санхеривом.

Комментирует Мальбим: «Устрашились в Цийоне грешники» – те, кто не обладали верой во Всевышнего, устрашились, “дрожь обуяла лицемерных” – тех, кто храбрился и не показывал свой страх, теперь обуяла дрожь, так, что всем стало очевидно их лицемерие и двуличность. Кто же выживет, когда вокруг – пожирающий огонь? На это отвечает пророк: тому, кто отдалается от зла – “презирает дела грабителей, остерегается взяточничества, затыкает уши, дабы не слышать о кровопролитии, закрывает глаза, дабы не видеть зла” и вершит добро – “ходит по пути праведных, говорит правду”, нечего бояться: “будет он обитать в высотах, твердыни скал – опора его, хлеб его дан ему, вода ему обеспечена.»

Итак, мы должны работать над качеством упования. Как мы уже сказали, есть люди, которые по природе своей всего боятся, и есть те, которые не боятся ничего. И тем, кто по природе своей склонен бояться, предстоит более тяжелая работа.

Помощь Свыше напрямую зависит от нашего упования на Всевышнего, как сказано: «Благословен муж, уповающий на Г-спода, и будет Г-сподь ему опорой» (Йермияу, 17:7). Чем сильнее наше

упование на Всевышнего, тем больше Его помощь. Чем слабее наше упование на Него, тем больше усилий нам придется приложить.

Когда-то я пришел к раву Нисиму Карелицу с вопросом, должен ли я заменить деревянную дверь при входе в квартиру на металлическую с более крепким замком? Рав Карелиц ответил мне: «Если ты спрашиваешь об этом, значит, ты должен поставить металлическую дверь!»

Все то время, что наше упование не на высоте, нам приходится прилагать более серьезные усилия.

В Шульхан Арух (242), там, где говорится о законах шаббата, написано, что нужно почитать шаббат и совершать покупки ради шаббата. Объясняет «Мишна Брура» (3), что неимущему для покупок ради шаббата нужно брать деньги в долг, однако в «Шаар а-Цион» (12) он указывает на противоречие между словами Баха, который говорит, что нужно брать деньги в долг, понадеявшись, что потом представится возможность их вернуть, и словами «Атерет Зкеним», который говорит, что можно брать в долг, только если он четко представляет себе, откуда он возьмет деньги, чтобы вернуть долг. Это противоречие «Мишна Брура» разрешает следующим образом: «И поступают в соответствии с ситуацией». Какой ситуацией? Рав Нисим Карелиц пишет в своей книге «Хут Шани»: «В соответствии с ситуацией» – в соответствии с его упованием на Всевышнего. Если он верит, что Всевышний пошлет ему деньги, он может брать в долг, а если он не уверен в этом – не может».

Надо только понимать, что речь здесь идет об истинном уповании. Нельзя обманывать себя!

То же мы находим в законах трапезы (157). «Мишна Брура» приводит написанное в книге «Зоар» (Бешалах): «Пусть не готовит человек сегодня еду на завтрашний день. И пусть не оставляет еду на следующий день», и объясняет, что эти наставления даны для того, чтобы человек каждый день молился о пропитании, и в заслугу этого каждый день получал благо и пропитание с Небес.

Замечательно! Разве мы так поступаем? Да вся наша жизнь построена вопреки этому указанию! Наше упование на Всевышнего не на этом уровне! Но это – то, что говорит святая книга «Зоар». Раньше были праведники, которые не оставляли ни копейки на завтрашний день. Рав Хаим Альберштам из Цанз не шел спать, пока не раздавал все оставшиеся у него к вечеру деньги на благотворительность. Разве это разрешено? Разве можно отдавать больше пятой части от доходов? Ответ – можно, если это соответствует упованию человека на Всевышнего.

Сколько же требуется мудрости, чтобы оценить свое собственное упование и не ошибиться!

Вернемся к страху. Страх – это чувство, которое испытывает человек, когда сталкивается с чем-то ужасным. Написано в трактате Кидушин, что если человек испугал другого и нанес ему, тем самым, физический ущерб, он невиновен по земным законам, однако виновен по законам Небесного суда. Почему по земным законам он невиновен? Потому что его друг не испугался бы, если бы обладал достаточным упованием на Всевышнего. Чем больше человек уповал на Всевышнего, тем меньше он боится.

Но мы еще не достигли такого уровня упования. Так что же нам делать со своими страхами? Об этом пишет «Мецудат Давид», которого мы уже приводили: «Если ты столкнулся с чем-то пугающим, “не слишком злодействуй” – не бойся слишком сильно и не теряй самообладания, но и “не будь глупцом” – не будь беспечным, “зачем тебе умирать преждевременно” – тот, кто боится, рискует умереть от страха, а тот, кто не боится, – рискует умереть, так как недостаточно осторожен. “Хорошо, если ты придерживаешься одного, но и не оставляешь другого”. – Хорошо, когда человек, попав в опасную ситуацию, испытывает страх, но при этом сдерживает его. “Б-гобязанный использует все. –” Б-гобязанный – это тот, кто в опасной ситуации немного боится, но при этом укрепляет свое сердце, чтобы не бояться. Тот, кто боится слишком сильно, не полагается на Всевышнего. Тот, кто вообще не боится, не принимает во внимание возможность Его приговора».

Нужно соблюдать золотую середину, как в любом другом вопросе. И все время укреплять свою веру во Всевышнего. Сказано: «Счастлив муж, который уповал на Г-спода и не обращался к высокомерным и лживым» (Теилим, 40:5), «Счастливы люди, чья сила в Тебе, пути к Тебе – в их сердцах» (Теилим, 84:6).

Хорошо повторять эти стихи десятки, сотни, тысячи раз, вникая в их содержимое, пока они не проникнут в сердце, так увеличится наше упование на Всевышнего, и тогда уменьшатся наши страхи, уменьшится необходимость в приложении усилия, придет радость, про которую сказано: «Счастливы люди, чья сила в Тебе» (Теилим, 84:6).

Пусть будет угодно Всевышнему, чтобы мы удостоились выполнить свое предназначение, чтобы опасность миновала нас, чтобы все пленные благополучно вернулись домой, как сказано: «Эти склонились и пали, а мы поднялись и окрепнем. Г-сподь, спаси! Царь ответит нам в день, когда мы воззовем к Нему» (Теилим, 20:9-10)

Перевод: г-жа Хана Берман

Законы бла

В прошлом выпуске мы продолжили тему «пат а-ба би-хисанин», мучного продукта, на который следует произнести благословение даже если его употребляют во время трапезы с хлебом. В данном выпуске мы рассмотрим несколько примеров таких продуктов.

Хлеб и блины

Тонкие хлебцы, которые делают из теста, замешанного на воде, считаются полноценным хлебом. Перед тем, как их есть, следует омыть руки, произнести благословения «аль натилат ядаим», и «а-моци лехем мин а-арец». После их употребления необходимо произнести биркат а-мазон.

Только изделия, сделанные из очень тонкого слоя теста, и испеченные до сухости, другими словами, крекеры, которые не едят, а грызут, теряют статус хлеба. Это относится даже к крекерам, сделанным из обыкновенного, густого теста без добавок. На такие крекеры надо произносить благословение «боре миней мезонот». Еще раз напомним, что, если их все же едят в больших количествах или как часть трапезы, то следует относиться к ним как к настоящему хлебу.

На большие, толстые оладьи, которые жарят на сковородке на малом количестве масла (сегодня их называют «pancakes»), следует произносить благословение «боре миней мезонот», так как их делают из жидкого теста. Все же, по консистенции они напоминают хлеб, поэтому тот, кто ест их в качестве трапезы, должен омыть руки и т. д.

На блины, которые делают из жидкого теста, разливающегося по сковородке, следует произнести благословение «боре миней мезонот». Даже тот, кто ест их в больших количествах, не должен произносить на них благословение «а-моци лехем мин а-арец», так как они совсем не похожи на хлеб.

Оладьи небольшого размера, которые являются чем-то средним между блинами и большими,

толстыми оладьями (называемыми «pancakes»), – это предмет спора между современными мудрецами. Тот, кто хочет избежать всяких сомнений, может или есть их с хлебом, или в небольших количествах, как было объяснено выше.

Мороженное в стаканчике

Написано в Мишне (Брахот 6:7): «Это общее правило: всякий раз, когда есть основное блюдо и с ним второстепенное блюдо, благословение произносится на основное, и оно распространяется также на второстепенное». Это означает, что тот,

кто ест два блюда или два вида еды таким образом, что одно из них он ест только из-за другого, а если бы не было первого, основного, вида, то он не стал бы есть и второй, второстепенный, должен произнести благословение только на основной вид.

Яркий пример такой ситуации – это мороженное в вафельном стаканчике. Рав Моше Файнштейн писал, что благословение на мороженное в вафельном стаканчике зависит от того, для чего едят стаканчик. Если тот, кто его ест, заинтересован и в мороженом, и в стаканчике, то надо вначале благословить на стаканчик

«мезонот», и после этого произнести благословение «ше-а-коль» на мороженное. Если же он заинтересован исключительно в мороженом, и ест стаканчик постольку, поскольку в нем находится мороженное, то на все вместе следует благословить «ше-а-коль». Но многие другие мудрецы, в том числе рав Вознер, рав Бен Цион Абба Шауль, рав Нисим Карелиц, считают, что на мороженное в стаканчике в любом случае следует произнести только «ше-а-коль», так как стаканчик играет второстепенную роль. И даже если после того, как все мороженное доели, остается кончик стаканчика, на него тоже не надо произносить благословение, так как благословение «ше-а-коль», произнесенное на мороженное, распространилось на весь стаканчик.

Что
благословить
на мороженное?

гословений

Нельзя забывать, что правило об «основном и второстепенном» действует только в случае, когда второстепенное блюдо не стали бы есть без основного, и едят его только потому, что оно помогает съесть основное блюдо.

Еще раз о пирогах

Талмуд пишет, что если во время трапезы с хлебом, в качестве десерта принесли печеные изделия, то на них надо произнести отдельное благословение, так как они не являются частью трапезы, и благословение, произнесенное на хлеб, на них не распространяется. Речь идет об изделиях, входящих в категорию «пат а-баа бэ-хисанин», о которой уже шла речь выше. Сейчас мы объясним, почему практически этот закон можно выполнить только в редких случаях.

Мы объяснили, что существует три вида мучных изделий, которые входят в категорию «пат а-баа бэ-хисанин». Первый вид – это пироги или другие мучные изделия с начинкой. Второй – это печенье и тому подобное, сделанное из теста, которое замесили не на чистой воде, а также на меду, на масле или еще на какой-нибудь жидкости. Третья категория – это сухой, тонкий и хрустящий хлеб, например, крекеры.

«Биур Алаха» объясняет, что три упомянутые выше вида – это предмет спора между мудрецами. Есть правило, по которому в случае сомнения в вопросе благословений, следуют более легкому мнению. Поэтому, когда возникает вопрос, рассматривается ли данное печеное изделие как хлеб, полагаются на любое из этих трех мнений чтобы освободить его от благословения «а-моци лехем мин а-арец». Получается, что на все три вида произносят «мезонот». Но когда встает вопрос, надо ли вообще произносить на данный предмет благословение, или он является частью трапезы, то нельзя полагаться на любое из мнений, так как по отношению к другим мнениям,

это будет неуместным устрожением, и произнесением благословения впустую. Поэтому, только на изделия, которые относятся ко всем трем категориям одновременно (и которые, соответственно, не являются хлебом ни по одному из мнений), следует произносить благословение во время трапезы.

Практически, это означает, что на большинство печеных десертов произносить благословение не надо. Исключением является, например, штрудель с начинкой, сделанный из тонкого, сухого и сладкого теста. Другой пример – это наполеон, или другое изделие из слоеного теста с начинкой. (Так как слоеное тесто состоит из тонких, хрупких слоев и в него добавляют большое количество жира, оно автоматически относится к двум из трех необходимых категорий. Если добавить к нему какую-нибудь начинку, оно войдет во все три категории, и на него нужно будет благословить во время трапезы.)

Все это относится только к случаю, когда печеное изделие едят в качестве десерта. Если же им хотят насытиться, то оно становится частью трапезы, и на него не надо произносить благословение.

По некоторым мнениям, из-за того, что в данном вопросе существует множество сомнений, лучше стараться не есть пироги и т. п. во время трапезы. Вместо этого, можно произнести биркат а-мазон, и после этого съесть десерт. Еще один способ избежать сомнений – это во время благословения «а-моци лехем мин а-арец» иметь в виду, что оно распространяется также и на пироги. Тогда на них не надо благословлять отдельно ни по одному из мнений.

(По Шулхан Арух, Орах Хаим 168:8, Мишна Брура 36-46, «Биур Алаха» 168, Александр Арье Мендельбойм, «вэ-Зот а-Браха» гл. 8, Диршу)

Составитель:
рав Берл Набутовский

Различные десерты, и что благословить на них

Мамин дом

Рабанит Рут Цивйон

«Работа сердца»

Продолжение

«Расторопные спешат»

Мама придавала большое значение молитве в самом раннем миньяне – «ватикин». Она часто говорила о ценности молитвы на восходе солнца. Мама старалась молиться в самом раннем миньяне, даже если минувшей ночью спала всего два-три часа.

Молитву Минха мама молилась в первом миньяне в синагоге «Ледерман» в 12:30 (по летнему времени – в 13:30), а молитву «Маарив» – в первом миньяне после выхода звезд.

На все молитвы мама старалась прийти вовремя. Она объясняла, как важно вовремя приходиться на молитву, рассказывая от папиного имени следующую историю:

Один еврей, хозяин мебельной фабрики, молился в миньяне три раза в день, но постоянно опаздывал на молитву, приходя в синагогу, когда молящиеся уже говорили «Ишитбах» или «Йоцер ор»... Раввин синагоги обратил на это внимание и сделал ему замечание: «Вы с таким завидным постоянством приходите на молитву. Что вам стоит приходиться вовремя?»

«Какая разница? – возразил торговец, – Главное, что я прихожу на молитву и успеваю восполнить все пропущенные отрывки!»

Но однажды он пришел в синагогу очень рано. Выглядел он смущенным. «Раби, – сказал он, – я получил свое наказание. Моя фабрика полностью сгорела в наказание за то, что я опаздывал на молитву!»

«Откуда вы знаете, из-за чего это случилось?» – спросил раввин.

И торговец объяснил: «Я был наказан за свое отношение к молитве по принципу “мера за меру”. Когда начался пожар, я сразу же вызвал пожарных. Но, пока они приехали, было потеряно драгоценное время. Я сделал им выговор, и они ответили мне: “Какая разница? Главное, что мы приехали!”. Однако спасти уже было нечего...»

Не пропустить ни одну молитву

Мама старалась молиться в миньяне при любых обстоятельствах. Даже приезжая в Иерусалим, чтобы навестить родителей, она искала миньян, чтобы помолиться Минху и Маарив.

Когда умерла ее сестра, рабанит Дина Берлин, во время семидневного траура мама сидела в доме своего отца

в Иерусалиме. Там было много народу, но мама ухитрялась следовать своему распорядку дня, не упуская ни одной мелочи. Она вставала еще до рассвета, чуть позже рава Эльяшива, который вставал, чтобы учиться – так же, как он учился всегда (в дни траура он учил то, что разрешено учить скорбящему). Мама произносила утренние благословения, предварительно попросив одного из братьев, который тоже молился на восходе солнца, ответить ей “амен”. Потом она старалась услышать благословения, которые произносил ее папа, и ответить ему “амен”.

В доме рава Эльяшива не было принято молиться «ватикин», но мама следовала своему обычаю и там. Она выходила на балкон, стараясь услышать молитву в соседней синагоге «Бреслав», и очень переживала, если ей не все удавалось расслышать. Потом она ложилась еще немного подремать, правда, к тому времени вставали все остальные, и из-за шума она уже не могла уснуть. Несмотря на то, что она была старшей сестрой, она никому не делала замечаний, а, напротив, уверяла, что шум и разговоры нисколько ей не мешают.

На свадьбах внуков мама молилась Маарив вместе со всеми. Порой она была единственной женщиной, которая присоединялась к миньяну, но ее это не смущало. Она стояла на женской половине, в уголке, со свойственной ей скромностью, и разговаривала со своим Создателем. Мама старалась не ужинать, не помолившись Маарив, поэтому на летних свадьбах она не начинала трапезу, не помолвившись Маарив с миньяном.

Как-то мама гостила в Нетании у моего брата, который отдыхал там с женой. В честь ее приезда был приготовлен праздничный ужин, но мама не могла принять в нем участие: «Я еще не молилась Маарив». Только после того, как собрался миньян, все помолились и сели за трапезу.

Приучать молиться

И своих многочисленных внучек мама старалась приучить молиться, так, чтобы они почувствовали «вкус» молитвы.

Рассказывает одна из внучек, дочка моей сестры Ханы Штейнман: «Каждая девочка в нашей семье по достижении восьмилетнего возраста приходила утром в Шаббат в синагогу «Ледерман» молиться вместе с бабушкой. Счастливая, она сидела рядом с бабушкой, а та объясняла ей порядок молитвы и показывала в молитвеннике, что молиться в данный момент. После молитвы бабушка обнимала ее за плечи, и они шли домой. Каждая внучка молилась рядом с бабушкой до тех пор, пока следующей за ней сестренке не исполнялось восемь лет».

Таким образом мама с раннего возраста прививала девочкам любовь к молитве.

Мама заботилась обо всех женщинах, которые молились вместе с ней. Часто можно было видеть, как мама обращалась к одной из них с вопросом: «Какую “Песнь на день...” говорят сегодня? Какую “Ошану” сейчас говорят?». Ответ, конечно же, был известен, но она хотела, чтобы и другие его знали...

Истинные пропорции

Мама шла в синагогу, чего бы ей это не стоило. С годами это становилось все труднее и требовало от нее все больших усилий, и вот почему. Количество женщин, обращавшихся к маме за советом, все росло и росло, и все труднее было заказать очередь к ней на прием. И женщины быстро обнаружили, что когда мама возвращается из синагоги, можно с легкостью к ней подойти. В результате, по дороге домой маму сопровождало большое количество женщин и девушек, ищущих благословения или совета, изливающих ей свои помыслы сердца и настоящие проблемы. Они обещали, что это займет «лишь полминутки», что им нужно «только получить благословение», однако беседы эти длились бесконечно. Дорога домой совершенно лишала ее сил, но ей и в голову не приходило перестать из-за этого молиться в синагоге. Напротив, это являлось для нее дополнительной причиной ходить в синагогу.

И хотя, как мы сказали, мама шла в синагогу, чего бы ей это не стоило, она ходила туда только двадцать раз в неделю. Двадцать, а не двадцать один. В пятницу она не молилась Минху в миньяне. Она была занята подготовкой к шаббату и потому молилась дома, подгадывая это ко времени молитвы в синагоге.

Этот пример как нельзя лучше отражает мамин подход к жизни:

Она не улучшала соблюдение одной заповеди за счет другой. Несмотря на все свои особые обычаи и устроения, она не забывала своих обязанностей жены и матери. Несмотря на то, что она очень старалась молиться в миньяне, она считала неуместным следовать этому обычаю накануне шаббата.

И я должна отметить, что все сказанное выше по поводу маминых молитв в синагоге относится ко времени, когда мы уже подросли. Все то время, пока в доме были маленькие дети, мама вообще не молилась в синагоге, даже в Дни Трепета. Мама умела расставить правильные приоритеты и соблюсти верные пропорции в соблюдении возложенных на нее задач, пользуясь своим прямым мышлением и глубоким пониманием сути вещей.

«Дочь перед Отцом»

Молитва была для мамы самой настоящей работой – и не только работой сердца. Она готовилась к молитве с

трепетом и с любовью. Даже в те годы, когда она молилась дома, перед молитвой она обязательно снимала фартук и домашние тапочки, и надевала туфли. В последние годы, когда от продолжительного стояния у нее болели ноги, она попросила купить ей тапочки с задниками, чтобы они больше были похожи на туфли, и в этих тапочках представляла перед Создателем. Мама объясняла, что не подobaет молиться в домашней одежде.

Мама молилась сосредоточенно и прочувствованно, с воодушевлением и с полной отдачей. Одна из маминых «поклонниц» рассказывала, как прилепилась к ней всей душой задолго до того как мама приобрела известность: «Как-то меня пригласили молиться в синагоге “Ледерман” в Рош а-Шана. Приглядевшись к женщинам, я обратила внимание, что рабанит не молится... Она просто разговаривает со своим Небесным Отцом, умоляет его так, как дочь умоляет отца! После того как я неоднократно наблюдала, как рабанит молится, у меня возникла идея попросить ее, чтобы она помолилась и за меня тоже...»

Мама молилась очень долго и в обычные дни, но в Дни Трепета ее молитва становилась особенно длинной.

Однажды папа спросил ее с удивлением: «О чем ты так долго молишься?»

И мама ответила: «Я по отдельности молюсь за каждого из наших детей и за каждого из наших женатых внуков, упоминая его имя и имя его матери, чтобы они удостоились здорового потомства, потом я молюсь за каждую беременную внучку, чтобы у нее все было хорошо, чтобы у нее были легкие роды, потом, после родов, чтобы им было легко растить новорожденного, чтобы он рос в Торе и Б-гобязности, и так далее... Потом я молюсь за неженатых внуков, чтобы они выполняли волю Создателя, прилежно учили святую Тору, чтобы они обладали хорошими душевными качествами, чтобы они с легкостью нашли себе пару... Потом я прошу за своих подруг, за больных, за холостяков и незамужних девушек, за бездетных... Этот список – очень длинный...»

Последний в маминой жизни Йом Киппур выпал на шаббат. Во время перерыва между молитвами Мусаф и Минха я спросила у мамы: «Почему ты остаешься в синагоге, а не идешь домой отдохнуть немного, как другие женщины?»

Мама ответила, что еще не дочитала книгу Теилим, которую она привыкла заканчивать каждый шаббат.

«Мама, ты должна отдохнуть» – настаивала я. Был послан гонец к папе, чтобы выяснить, обязана ли мама прочитать сегодня все Теилим. Папа ответил, что, даже если мама дала обет прочитывать всю книгу Теилим каждый шаббат, она не обязана это делать, так как только вчера были отменены все обеты, когда в синагоге сказали «Коль нидрей».

Лишь тогда мама спокойно пошла отдыхать.

Перевод: г-жа Хана Берман

Цадик из Манхэттена

Рухома Шайн

Глава 12

Последние шесть дней праведницы

Дедушка и бабушка Андрон репатриировались в Эрец Исраэль в марте 1922 года, оставив всех своих детей и внуков в США.

Хотя я была маленькой девочкой, когда они уезжали, я отчетливо помню их отъезд. Проводить их в порт пришла огромная толпа родственников, друзей и знакомых. Дедушка Андрон к тому времени был очень известен в Нью-Йорке своими многочисленными достижениями в области еврейского образования, и их отъезд в Эрец-Исраэль был отмечен в газетах.

Все мои дяди, тети, двоюродные братья и сестры толпились вокруг. Мама крепко держала меня за руку. Она почти не проявляла свои чувства по поводу отъезда родителей, лишь время от времени сжимала мне руку. Когда корабль отчалил, мамины слезы падали беззвучно; она не произнесла ни слова.

Дедушка и бабушка Андрон поселились в районе Гиват-Шауль в Иерусалиме. В то время это была малонаселенная местность. Закончив постройку своего дома, они провели водопровод из центра Иерусалима, что впервые обеспечило всех жителей района проточной водой в домах.

Дедушка сразу же организовал ешиву, которую он помогал содержать и к которой проявлял личный интерес, и синагогу в Гиват-Шауле, которая носит его имя.

Дедушка прожил в Эрец Исраэль восемь лет и скончался двадцать восьмого швата 5690 года (26 февраля 1930 года). Он похоронен на Масличной Горе.

Почти год спустя заболела бабушка Андрон. По бабушкиной просьбе дядя Янкев Лейб (старший брат мамы) немедленно отправился в Эрец Исраэль. Он находился рядом с бабушкой в течение последних шести дней ее жизни.

После того, как бабушка скончалась, и дядя Янкев Лейб вернулся в США, все мои дяди и тети собрались у нас дома, чтобы послушать, как дядя читает

письмо, которое он написал во время своего пребывания у бабушки. Я привожу это письмо в переводе с идиш:

Письмо моего дяди Янкева Лейба, написанное в Иерусалиме

Моим дорогим братьям и сестрам!

Я сижу *шива* [семь дней траура] по нашей дорогой, святой матери здесь, в Иерусалиме, а вы сидите в Нью-Йорке. Мы вместе плачем и сокрушаемся о нашей великой утрате. За один год у нас отняли две короны: нашего отца, благословенной памяти, и теперь также нашу мать. Да, у нас были отец и мать, но понимали ли мы, кто они?

Вы не можете себе представить, какой душевный подъем я испытал, будучи рядом с мамой в последние шесть дней ее жизни. Я вижу повторение главы «Вайехи». Наш патриарх Яков призвал своих детей, когда увидел, что его дни сочтены, и благословил каждого ребенка в соответствии с его нуждами. Наша дорогая мама телеграфировала мне: «Приезжай немедленно», и я приехал по ее призыву.

За полтора часа до ее кончины произошла удивительная сцена. Я стоял возле ее кровати, и она держала меня за руку. Мужчины и женщины толпились в ее комнате. Сначала она говорила слабым голосом, почти шепотом, но когда речь зашла о Торе, о святом шаббате и Б-гобоязненности, ее голос стал сильным и живым. Казалось, что сами стены сотрясаются от него — «коль Ашем ба-коах».

Те счастливицы, которые присутствовали при том, как святая душа покинула тело нашей матери, поняли, какой великой праведницей она была всю свою жизнь. Я считаю величайшей заслугой в своей жизни то, что я присутствовал при выходе её души. Мое перо слишком слабо, чтобы написать и описать все, чему я был свидетелем. Я хотел бы, чтобы все вы были здесь со мной. Я снова благодарю Всевышнего, что смог выполнить последнее желание нашей дорогой мамы — быть рядом с ней последние шесть дней ее жизни в этом мире. Эти дни навсегда останутся у меня в сердце.

А теперь я хочу вернуться и рассказать вам о том, что я видел и слышал с момента моего приезда, чтобы вы смогли передать это своим детям и внукам, чтобы они узнали величие своей бабушки и исполнили ее последние предсмертные желания.

Я приехал в Иерусалим в район Гиват-Шауль, в 10:00 утра, в четверг, восемнадцатого числа месяца шват — глава Итро». Я обнаружил, что мама лежит в постели в очень слабом состоянии. Я ее поцеловал, и ее лицо засияло от радости при виде меня. Она воскликнула: «Барух Ашем, что я дожила до встречи с тобой!»

Она спрашивала о каждом из вас, о ваших детях и внуках, о мехутаним и их семьях. После первоначального волнения я сел завтракать. Она попросила, чтобы я ел у нее в спальне. Пока я ел, она расспрашивала меня то о благополучии одного родственника или друга, то другого.

Закончив завтрак, я послал за доктором. Мне сказали, что в ночь перед моим приездом мама почувствовала себя очень плохо. Она произнесла «Видуй» (исповедь, которую произносят перед смертью), а затем воскликнула: «Властелин мира, укрепи меня, чтобы я дожила до встречи с сыном».

Когда пришел врач, он осмотрел маму и сделал ей укол. Он сказал мне: «Ваша мама очень больна. У нее слабое сердце и плохо работают почки. Что еще я могу вам сказать?» Тогда я понял, что должен молиться о лучшем и ожидать худшего.

После обеда мама велела мне пойти к Котелу (Стене Плача), чтобы произнести молитву Минха. Я молился за нее и за всех наших близких. Когда я вернулся, я нашел ее счастливой и довольной. Она снова благодарила Всевышнего за то, что я могу быть рядом с ней. Она рассказала мне о последних днях папы. Затем она попросила меня купить ей могилу рядом с папиной, сказав: «Я всю жизнь работала, помогая ему учить Тору и строить ешивы. Я заслуживаю того, чтобы быть рядом с ним и в смерти».

Я договорился о встрече с «Хевра Кадиша» (погребальное общество) на Масличной Горе в пятницу утром. Я попросил их показать мне папину могилу и обсудил с ними мамину просьбу. Можете понять, мои дорогие братья и сестры, мои эмоции, когда я стоял у могилы нашего отца, благословенной памяти, чей первый йорцайт (годовщина смерти) будет двадцать восьмого числа месяца шват.

Детские годы пронеслись передо мной. Я понял, насколько сильна любовь к Торе, которую папа привил нам. Хотя последние девять лет мы были разлучены с родителями, тем не менее, мы обращались к ним за советом по любому поводу. Мы надеялись и молились, что когда-нибудь мы все воссоединимся, но этому не суждено было случиться.

Сейчас, когда я стоял возле папиной могилы, слезы текли у меня из глаз и орошали его могилу. Я снова молился за маму и за всех вас.

Я сказал погребальному обществу, что хотел бы купить для мамы могилу рядом с папой. Они отказались, сказав: «В этом ряду лежат только очень великие люди: рав Клаузенбергер, рав Тавригер, Алтер из Слободки и его сын, реб Моше, доктор Мунк, рав Любанер и многие другие великие гении и праведники. Тут нет никаких женщин».

Я рассказал им о маминной просьбе, сказав, что она заслуживает лежать рядом с папой, и что я должен исполнить ее желание. После долгих уговоров они, наконец, согласились. Я подписал необходимые бумаги. Могилы наших родителей выходят на Храмовую Гору. Весь Иерусалим разворачивается перед глазами. Мне было трудно оторваться от этого святого места, где похоронены такие великие люди, сыгравшие столь важную роль в еврейской истории. Я вернулся к маме с новостью, что купил могилу рядом с папой. Она была в восторге. «Видишь, Янкев Лейб, как важно было, чтобы ты приехал. Сама я никогда не смогла бы получить эту могилу, которая так много для меня значит».

Поздно вечером в пятницу мама спросила, пора ли зажигать свечи. Я сказал ей, что сирена еще не прозвучала. (В Иерусалиме звучит сирена, оповещающая о времени зажигания субботних свечей.)

«Дайте мне свечи. Почему я должна ждать, пока они будут на меня свистеть? Лучше пусть я сама на них поsvilleщу», — сказала она, улыбаясь.

В пятницу вечером мама почувствовала себя лучше. Я сделал *Кидуш*, и мы поели у нее в комнате. Она попросила меня спеть субботние песни. После этого пришел молодой человек, Йосеф, папин ученик, и прочитал маме отрывок из книги «Маасей Альфас» (комментарии рабби Бенциона Альфаса к недельной главе, которые он написал на языке идиш, опираясь на мидраши). Так он делал каждую пятницу вечером.

В шаббат днем мама велела мне навестить рава Исера Залмана Мельцера, гения из Слуцка. Я понял, что мама в полном сознании.

В субботу вечером она снова почувствовала себя очень плохо, и в ту ночь я почти не сомкнул глаз. Я хотел вызвать врача рано утром в воскресенье, но она попросила меня этого не делать. Однако в понедельник она сама попросила, чтобы я созвал консилиум врачей. Семейный врач позвонил доктору Валлаху, директору и главному врачу больницы «Шаарей Цедек», который сказал мне после осмотра, что с медицинской точки зрения уже ничего нельзя сделать. Только молитвы могут помочь.

Я постоянно находился у ее постели. Фактически, с момента моего приезда я ел только у неё в комнате и спал там же.

В понедельник, ближе к закату, мама сначала произнесла молитву Минха, а затем Маарив, все наизусть. Вскоре после Маарива я заметил, что она произносит утренние благословения. Я подумал, что у нее блуждают мысли. «Мама, сейчас уже ночь — почему ты читаешь утренние молитвы?» — спросил я.

«Сын мой, я знаю, что сейчас ночь, но мне особенно хотелось произнести благословения: “Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш, Царь Вселенной, опоясывающий Израиль силою”, и благословение, “дающий силу изнемогающему”. Мне сейчас очень нужно, чтобы Он дал мне силы».

Тогда я сказал маме: «Папа всегда молился, глядя в сидур (молитвенник), и даже Кидуш и Авдалу читал из сидура, а ты все говоришь наизусть!».

«Разве ты не знаешь, что папа эти молитвы не знал?» — шутливо ответила она.

Затем она стала серьезной. «Папа всегда был лучше меня. Он так быстро ушел из жизни. Он просто уснул. Всевышний дал мне два “подарка”: Я не могу спать, и я не могу есть».

Потом она воскликнула: «Властелин мира, Ты не мучил моего дорогого мужа; почему же Ты мучаешь меня? Ты быстро помещаешь душу в тело, но когда приходит время забрать ее, Ты доставляешь телу столько боли и страданий. Я хочу сказать “исповедь”, но чувствую себя очень слабой. Придется обойтись той исповедью, которую я произнесла на прошлой неделе».

Затем мама сказала мне, что она очень переживает, потому что не может вспомнить стихи Торы, в которых упоминается ее имя, Фрума Рохель. «Когда я предстану перед Ангелом у ворот, он спросит меня о них. Стих, намекающий на имя Фрума я знаю, а стих, связанный с Рохель такой длинный, что я не могу его полностью вспомнить. Я должна буду сказать Ангелу у ворот: «Ты прекрасно знаешь, что теперь мне уже поздно изучать эти стихи. Так почему ты беспокоишь меня из-за пустяков? Почему ты не спрашиваешь меня о многих хороших делах, которые я сделала в своей жизни?» Надеюсь, что он пропустит меня».

Сейчас я хотел бы отметить несколько фрагментов разговоров мамы с разными посетителями, которые приходили навестить ее во время болезни. Они показывают ясность ее ума и чувство юмора, даже когда она уже лежала на смертном одре.

Американский гость, казалось, очень спешил. Мама спросила его: «Почему вы так торопитесь уйти? Неужели в США требуется так много плащей?»

[В этот период многие евреи работали в швейном бизнесе]. Когда другой друг пожелал ей «полного выздоровления» по-русски, она ответила на идеальном русском.

Йосеф, папин ученик, который учится на резника, сказал маме: «Сегодня я зарезал несколько овец».

Мама ответила: «Мазл тов! А сколько из них оказались кошерными?»

Он спросил ее совета, стоит ли ему отказаться от изучения *шхиты* (кошерного забоя), поскольку ему предложили другую работу.

«Не отказывайся от изучения *шхиты*, потому что полумеры не подходят для хорошего бизнесмена», — посоветовала она ему.

Йосеф рассказал маме, что кто-то хочет познакомиться с американской девушкой, которая ищет себе пару. За неё дают пятьсот фунтов стерлингов в качестве приданого (целое состояние на то время).

«Йосеф, узнай, сколько лет девушке», — сказала ему мама. «Я все знаю об этих американских шидухах (сватовстве), которые предлагаются здесь. Сто фунтов дается за каждые десять лет, так что я полагаю, что девушке скоро исполнится пятьдесят лет!»

Фейгу, мамину помощницу, попросили принести маме *сидур*. Она отказалась, так как считала, что мама слишком слаба, чтобы молиться. «Ты – *атикурес* (вероотступница)», — сказала ей мама в шутку. Когда Йосеф уходил, он посоветовал маме выпить теплого молока, чтобы ей было легче заснуть. «Откуда ты взял это новое лекарство? Неужели твои умо-заклучения исходят от Сисры и Яэль?» - сразу же ответила она. (Яэль напоила полководца Сисру молоком, чтобы он уснул. Как только Сисра задремал, Яэль убила его. См. Судьи 4.)

Мама наконец-то заснула, но я никак не мог уснуть. Посреди ночи мама проснулась. Ее щеки были очень румяными. «У нас сегодня много работы. Мы должны решить, что делать со всеми папиными книгами; какие вещи ты заберешь с собой в Штаты, а какие раздашь родственникам и друзьям здесь». Она рассказала мне, что у Йосефа были ключи от всех шкафов. Она показала, в каком шкафу лежит серебро.

Наступил вторник. Мама сказала мне, что я могу пойти в синагогу на молитву. Я почувствовал облегчение, потому что она выглядела и чувствовала себя лучше. Когда я вернулся с молитвы, она велела мне позавтракать. Пока я ел, она сказала мне: «Сегодня нужно все успеть. День короткий, а работы много. Ты должен пойти к адвокату, в американское консульство, написать письма домой. Когда сегодня придут гости, не проводи с ними слишком много времени, так как мне нужно многое с тобой обсудить.»

«Ты должен побыстрее вернуться к своей семье, ведь скоро Пурим, и я не хочу тебя задерживать. Я знаю, что многие благонамеренные люди советовали тебе не приезжать, потому что расставание будет слишком тяжелым. Я понимаю, что ты должен вернуться к своим близким, пока ты и твоя семья не заслужите поселиться в Эрец Исраэль». Когда я вернулся, выполнив дела, мама потребовала рассказать ей все подробности того, что произошло у адвоката и в консульстве. Затем она сказала, что я должен написать домой, так как они будут волноваться. Когда я закончил писать письмо, то попросил ее подписать свое имя, но она сказала мне: «Янкев Лейб, я чувствую себя слишком слабой, чтобы подписать свое имя, но скажу тебе, что передать всей семье». Ближе к сумеркам мама позвала Фейгу: «Вымой меня полностью. Дай мне чистую одежду и смени постельное белье», — приказала она.

Когда все было готово, мама стала молиться, сначала Минху, а потом Маарив. Она сказала мне, что я тоже могу идти помолиться. Она предупредила меня, чтобы я не задерживался и вернулся сразу после окончания молитвы. Я спешно вернулся, и мама велела мне поужинать.

После ужина мама спросила меня, приехали ли родственники. Я сказал ей, что они все приехали. Я сообщил им и многим нашим друзьям, что мама слабеет. Дом был переполнен людьми.

Затем мама подозвала меня к своей постели. Она повернулась ко мне лицом, взяла меня за руку и сказала: «Сын мой, я специально попросила тебя приехать, потому что ты мой старший сын. Пятьдесят шесть лет назад, примерно в это время, я родила тебя. Ты родился двадцать первого дня месяца швата в 5635 году (27 января 1875). Папа, благословенной памяти, скончался двадцать восьмого швата, в годовщину твоего обрезания.»

«Скажи всем детям, чтобы они соблюдали святой шаббат, исполняли заповеди Всевышнего, были честными и праведными, носили цицит и воспитали поколение б-гобязанных евреев. Тогда вы будете благословлены удачей во всем, за что возьметесь».

«Я никогда не просила у папы никаких материальных благ. Все, чего я хотела, — это чтобы он изучал святую Тору. Я заботилась о нем, чтобы у него было время учиться и чтобы он чувствовал себя комфортно во всех отношениях. Я посвятила Торе всю свою жизнь.»

«Когда мы приехали в “Золотую землю” (Америка в 1890-х годах), я вместе с папой несла все тяготы, чтобы он мог посвятить время изучению Торы и преподаванию Торы. Я рубила дрова для печки на холоде, рано утром, чтобы никто меня не видел.

Однажды одна женщина увидела, как я рублю дрова, и спросила: “У тебя такой хороший муж — почему же он не обеспечивает тебя?»

Я ответила ей: «Мой муж работает в ешиве».

Однажды другая соседка услышала, как я пилю дрова. Она закричала: «Кто живет надо мной — цыгане?».

На шаббат я не покупал рыбу вместе со всеми, потому что она стоила слишком дорого. Я ждала до полудня накануне шаббата, когда цены были ниже. Продащица рыбы сказала мне: «У тебя такой благородный муж, но он не содержит тебя должным образом».

Я всегда отвечала одно и то же: «Мой муж должен изучать Тору и работать в ешиве».

Я довольствовалась очень малым. Я воспитывала семью из семи детей. Когда я увидела женщину, которая покупала свеклу, а зелень выбрасывала, то попросила ее отдать мне зелень. Из свекольной зелени я готовила еду для детей. Недалеко от нашего дома был магазин, где перепродавали весь хлеб одnodневной давности из разных продуктовых магазинов. Там я покупала хлеб намного дешевле.

Вы, дети, были очень хорошими. Вы никогда не просили ничего особенного, например, конфет или других сладостей. Пока был хлеб, рыба и свекольная зелень, вы были довольны. Мы никогда не занимали денег. Когда Исраэль Иссер начал работать, он на первые заработанные деньги купил папе шубу с меховой подкладкой.

Люди говорили, что папа зарабатывал на жизнь ешивой. Мы никогда не брали из ешивы ни копейки. Папа всегда говорил: «Я найду, как заработать каким-нибудь другим способом». Я принимала то, что говорил папа, и у нас никогда не было никаких споров.

Когда старшие дети начали зарабатывать на жизнь, мы купили дом. Впервые у нас было достаточно места. Я стирала цицит и развешивала их на веревке. Соседи в шутку спрашивали: «Неужели ваши дети будут их носить?»

«А что, в Америке другой Б-г?» — отвечала я им. Барух Ашем, наши дети носили их». (В то время в Америке это было большой редкостью).

Я всегда работала вместе с папой, подбадривала его и помогала ему во всех его начинаниях. Когда в ешиве возникали споры, я была на его стороне.

Я не искала роскоши в жизни — ни украшений, ни модной одежды, как другие женщины. То, что папа изучал Тору и распространял Тору, было для меня важнее и дороже всего остального в жизни.

Когда папа решил, что мы должны поселиться в Эрец Исраэль, я последовала за ним. Конечно, вы

прекрасно понимаете, как трудно мне было оставить вас — всех наших детей и внуков. Однако, я даже намеком не давала папе понять, что не хочу выполнять его просьбу.

Мы приехали в Иерусалим, и вы, мои дорогие дети, очень помогали нам. Вы присылали нам достаточно денег на все наши нужды. Все, о чем бы мы ни попросили вас, было с радостью исполнено. Да, мы могли бы жить здесь очень комфортно на те деньги, которые вы нам присылали, но я не могла стоять в стороне и наблюдать за ужасной нищетой, которая нас окружала. Я живу здесь, в Эрец Исраэль, уже девять лет, и ни разу не купила себе новую одежду.

Годы, проведенные здесь, были совсем нелегкими для меня. Когда папа ослеп, я заботилась о нем из последних сил. (Даже читала ему вслух Талмуд.)

Теперь все в прошлом. К вам, мои дорогие дети, у меня нет претензий. Вы постарались сделать наши последние годы приятными. Всевышний непременно благословит вас за честь, которую вы оказали своим родителям. Теперь мне больше ничего не нужно. Я ухожу в лучший и светлый мир. Я отправляюсь к моему дорогому, любимому мужу.

Но прежде, чем уйти, я еще раз прошу вас, мои дорогие дети: Будьте праведными и хорошими еврейскими детьми. Храните шаббат и истинно соблюдайте все законы Торы.

Ты, мой старший сын, обещаю мне, что повлияешь на всех своих братьев и сестер, их детей и детей их детей, чтобы они были евреями, которые не посрамят наших предков, которые все были праведниками, знатоками Торы и раввинами. Не разрывайте золотую цепь, связывающую нас с нашими родителями. Живите вместе в мире. Помогайте друг другу в трудную минуту. Часто собирайтесь вместе.

Я больше ни о чем тебя не попрошу. Вы не должны больше писать мне писем. Но я прошу вас надевать тфилин, произносить все молитвы, носить цецит, соблюдать святой шаббат и выполнять святую Тору. Воспитывайте своих детей в духе Торы. Тогда мы с папой всегда будем молиться за вас на том свете, чтобы вас сопровождала большая удача во всех ваших начинаниях, и чтобы вы были достойны переехать в эту Святую Землю, Эрец Исраэль.»

Когда мама закончила говорить, она благословила меня и всех, кто был у нее в комнате, каждого в соответствии с его нуждами и по имени. Она благословила Йосефа, чтобы он нашел верную спутницу жизни и воспитал поколение настоящих евреев. Она поблагодарила Фейгу, свою помощницу, за верную заботу о ней. Она благословила реб Мейера Аккера за его настоящую дружбу. Она сказала реб Шлейме Кальману, чтобы он привез своего тестя из Вильно в Эрец

Исраэль. Она поцеловала тетю Малку и благословила ее, чтобы ее дети изучали Тору, и чтобы она воспитала их честными евреями.

Затем мама прочитала Ашамну (исповедь) наизусть с начала до конца. Она сказала мне, что сама приготовила саван, и попросила, чтобы её очистили и омыли на том же столе, на котором омывали папу, — на столе из ешивы. «У меня тоже есть доля в изучении Торы».

Затем произошла удивительная сцена, которую я и все, кто был в ее комнате, никогда не забудем. Мама вдруг воскликнула сильным, звонким голосом: «Мои дорогие родители, мои дорогие дяди, реб Ицэле Раббавер (она хотела что-то сказать о нем, но сдержалась), реб Гимпель (реб Мордчи Гимпель, рав Родзенауэра, один из величайших мудрецов своего поколения и мой дорогой любимый муж) — все они вышли, чтобы приветствовать меня!»

Она повернула лицо, глядя вверх, и вытянула ноги. Ее лицо стало излучать такой свет, что все в комнате замерли. И тогда она воскликнула: «Шма Исраэль, Ашем У — а-Элоким». Ее губы шевельнулись, и лицо залила сладкая улыбка. Её святая душа покинула тело.

Было ровно 22:00 вечера во вторник, двадцать четвертого дня месяца шват 5691 года (11 февраля 1931 г.).

Все в комнате разразилось громкими рыданиями и криками: «Какая праведница!» Что я могу написать?... Все, что я могу сказать, это то, что тот, кто не был свидетелем этой сцены, не поверит, что это действительно произошло.

Я сразу же разорвал одежду и произнес благословение «Даян а-Эмет». Нашу дорогую святую мать взяли, положили на пол и окружили ее зажженными свечами.

Несколько родственников оставались в ее комнате всю ночь, чтобы произносить Теилим.

Утром собрались все соседи. «Какая она была замечательная женщина, праведница», — сказала один из них.

«Как она много давала на благотворительность — как я буду обходиться без ее помощи?» — спрашивала другая. «К кому я обращусь за помощью? Она всегда давала с готовностью, когда это было нужно». У каждой из женщин было еще что-то сказать о маме, благословенной памяти, о ее величии и доброте.

Рано утром р. Мейер Аккер отправился оповестить погребальное общество и главу ешивы. Он нанял человека, чтобы тот объявил на улицах Иерусалима о времени и месте похорон мамы.

К восьми часам утра сорок воспитанников детского дома Дискина пришли произнести Теилим. Пятьдесят лучших учеников были присланы из ешивы «Эц Хаим». Из сефардской ешивы тоже пришла большая группа учеников.

В каждом уголке дома читали Теилим в плачевных тонах, которые трогали сердце каждого. Плач всех родственников, друзей и соседей, казалось, сотрясал Небеса.

К 11:30 утра очищение было закончено. Меня позвали в ее комнату. Я положил немного земли на лицо дорогой мамы, которое по-прежнему излучало особый свет. Затем я произнесла стих: «И положил Йосеф руку свою на глаза».

Дом был переполнен людьми, и внешний двор тоже. Поэтому надгробные речи произносились во дворе, примыкающем к дому. Я произнес первый панегирик. Затем трогательные надгробные речи произнесли реб Михль Тукачинский из ешивы «Эц Хаим», рав Даниэль Закс, рав Адлер и городской магид (проповедник), реб Бен Цион Ядлер.

Затем началась похоронная процессия. Во главе шли все главы ешив, раввины и учащиеся разных ешив. Затем шли родственники, друзья, соседи и другие люди, которые пришли почтить память нашей дорогой мамы, благословенной памяти. Были слышны причитания и плач при словах: «Цедек лэфанав еалех» («Справедливость будет перед ним» — стих, читаемый, когда тело праведника несут в могилу), «Маамодот» и Псалом 91 произносились у каждой остановки и в каждом учреждении, мимо которого проходила процессия, и при каждой остановке я произносил Кадиш.

Когда похоронная процессия проходила мимо дома рабби Кука, он вышел на улицу и произнес надгробную речь. Так продолжалось до тех пор, пока мы не прибыли на Масличную Гору. От маминого дома до Масличной Горы несколько километров. Всю дорогу ее несли, а провожающие шли пешком. Когда мы выходили из дома, шел мелкий дождь, и когда мы дошли до Масличной Горы, снова закапало.

В 15:30 маму предали земле. Там я произнес траурный Кадиш. Затем мы все ушли, оставив нашу любимую маму на Масличной Горе напротив Храмовой Горы, рядом с ее горячо любимым мужем, нашим святым отцом — две могилы мы оставляем в Иерусалиме. Наши родители ушли к своему последнему пристанищу, а мы остались оплакивать свою великую утрату.

За один год мы стали круглыми сиротами. Наши самые дорогие сокровища в жизни — папа и мама — больше не разлучаются. Я хочу отметить, что папа и мама никогда не расставались больше чем на год в своей жизни. Когда папа уезжал в Америку, он позаботился о том, чтобы мама последовала за ним в течение года. Папа скончался на двадцать восьмой день месяца шват, а мама ушла из жизни двадцать четвертого швата, меньше чем через год.

Я вернулся в дом наших родителей. Весь дом был окружен трауром, когда я сел сидеть шиву (семь дней траура). Три раза в день собирался большой миньян. Ежедневно изучали Мишну.

Сотни людей пришли, чтобы меня утешить. Среди них величайшие иерусалимские и израильские мудрецы: рабби Иссер Залман Мельцер, рав Кук, старый Люблинский Гаон, раби Клэцкин, рав Яншекер и многие, многие другие.

Я начал это письмо, когда начал сидеть шиву, но смог закончить его только сейчас, после шивы. Я попросил Йосефа записать каждое слово, которое мама говорил мне в последние дни своей жизни, чтобы ни одно из ее драгоценных слов никогда не было забыто.

Когда я вернусь домой, я прочитаю вам это письмо, которое является последней волей и завещанием нашей дорогой мамы, благословенной памяти. Её пожелания должны быть очень дороги нам. Мы должны исполнить все, о чем она просила нас в последние минуты своей жизни.

Жизнь папы и мамы должна быть для нас ярким примером того, как нужно себя вести. Мама, сказала мне в своих последних словах, что она и папа на Небесах будут молиться за нас, чтобы всем нам сопутствовал успех, когда мы пойдем по их стопам. Мы должны быть уверены, что они смогут сделать для нас многое, как написано: «Праведники в смерти могут добиться молитвой еще большего, чем при жизни».

Ваш старший брат. Пишу с разбитым сердцем и надеждой на помощь Всевышнего. Да утешит Он нас среди всех скорбящих Циона и Иерусалима.

Янкев Лейб

Послесловие

Два исключительных случая побуждают меня добавить этот эпилог к вышеупомянутому письму.

Реб Хаим и Бесси (Шайнберг, моя старшая сестра и её муж) жили в городе Мир, Польша, где Хаим учился в ешиве Мир. Бесси была на пятом месяце беременности своим первым ребенком, когда ей приснился сон о бабушке Фруме Рохль.

Бабушка пришла к ней во сне и сказала: «Ты родишь девочку. Я хочу, чтобы ты назвала ее в мою честь.» Бесси проснулась очень встревоженной. Насколько она знала, бабушка была жива и здорова и жила в Иерусалиме.

Она сразу же написала папе и маме, спрашивая о благополучии бабушки Фрумы Рохль. В положенное время Бесси получила обнадеживающий ответ: «Бабушка в порядке, но она очень скучает по дедушке Шмуэлю Ицхаку, благословенной памяти, который скончался несколькими месяцами ранее.»

Бесси держала этот сон при себе, боясь рассказать его даже Хаиму.

Через четыре месяца Бесси родила девочку. Хаим послал телеграмму папе и маме, в которой сообщил о радостной вести и попросил телеграфировать, какое имя они хотят дать внучке.

Ответ пришел незамедлительно: МАЗЛЬ ТОВ! - ИМЯ - ФРУМА РОХЛЬ.

Конечно же, Хаим и Бесси назвали свою первую дочь в честь бабушки. Именно тогда Бесси написала папе и маме письмо, в котором рассказала о необыкновенном сне, приснившемся ей, когда бабушка Фрума Рохль была еще жива.

Сорок пять лет спустя произошел второй примечательный случай.

Реб Хаим и Бесси — мои соседи в одном многоквартирном доме в Иерусалиме. Однажды вечером Бесси пришла к нам домой очень взволнованная. «Ракома, я нашла очень трогательное письмо, которое дядя Янкев Лейб написал нашей маме и её братьям и сестре сорок пять лет назад, когда он сидел шиву по бабушке Фруме Рохль Андрон в Иерусалиме». Она развернула большую пачку пожелтевших от старости страниц.

«Где ты нашла это письмо, Бесси?»

«Когда мы с Хаимом готовились к отъезду в Эрец Исраэль девять лет назад, [вторая] жена дяди Янкева Лейба принесла мне конверт и сказала, что в нем бумаги, которые когда-то принадлежали дяде Янкеву Лейбу, благословенной памяти.

Я положила его среди других документов и не находила времени, чтобы посмотреть на него, потому что была так занята упаковкой и подготовкой. В конце концов, я забыла, что это письмо у меня.

Сегодня я рылась в своей картотеке в поисках чего-то и наткнулась на конверт, который дала мне тётя Йетта.

Я открыла его и начала читать. Эти бумаги пролежали у меня девять лет, и я даже не подозревала, какое великое сокровище мне досталось. Мне потребовалось несколько часов, чтобы прочитать это письмо, потому что оно так выцвело и обесцветилась. Но оно заворожило меня до самого конца».

Когда Бесси читала письмо Моше и мне, в памяти всплыли воспоминания о том, как я услышала его в детстве, но на этот раз оно произвело на меня огромное впечатление. Я осознала величие бабушки Фрумы Рохль, благословенной памяти.

Когда Бесси уходила от нас поздно вечером, я сказала своему мужу Моше: «Знаешь, бабушка обещала, что она и дедушка будут молиться за своих детей, если мы пойдем по пути Торы, и, очевидно, она так и делала. Я очень хочу завтра пойти и помолиться на бабушкиной могиле на Масличной Горе.

Моше пытался отговорить меня. «Туда трудно попасть, Ракома. В любом случае, через три недели будет йорцайт (годовщина смерти) твоей мамы, и мы пойдем с миньяном на её могилу. (Мама, благословенной памяти, похоронена рядом со своими родителями, дедушкой и бабушкой Андрон). Ты будешь рядом с бабушкиной могилкой и сможешь там помолиться. С неохотой я приняла его совет. Всю ту ночь я чувствовала крепкую связь с бабушкой Фрумой Рохль.

На следующее утро мне позвонила моя близкая подруга и соседка Молли Исби (которая позже вышла замуж за рава Лейба Гурвича, благословенной памяти, главу Гейтсхедской ешивы в Англии). «Ракома, я хочу попросить тебя об особой услуге. Ты знаешь, что Мими, которая живет у меня, через два дня уезжает в Штаты. Ее прадедушка и прабабушка похоронены на Масличной Горе. Ее мама написала ей, сказав, чтобы она посетила их могилы, которые находятся совсем рядом с могилами твоей мамы, бабушки и дедушки. Мими очень хочет поехать сегодня на Масличную Гору, но не знает, где находятся могилы. Не могла бы ты выделить время, чтобы поехать с ней? Она возьмет такси, которое нас подождет и потом отвезет нас домой. Я тоже хочу поехать с вами».

На мгновение меня как громом поразило. Кажется, бабушка Фрума Рохль спустилась с Небес, чтобы устроить так, чтобы я посетила ее могилу именно в тот день, когда я так сильно этого хотела.

«Молли, — сказала я, — не говори больше ни слова. Как только Мими и ты будете готовы, просто позвони мне».

В 15:00 такси ждало перед нашим зданием. По дороге на Масличную Гору я рассказала Молли и Мими о том, как накануне вечером слушала письмо дяди Янкева Лейба о бабушке Фруме Рохль и о своем огромном желании сегодня посетить ее могилу. Они были поражены таким поворотом событий.

Когда мы приблизились к Масличной Горе, я сказала Мими: «Я знаю, что ты встречалась с прекрасным молодым человеком. Но теперь ты уезжаешь. Означает ли это, что ты порвала с ним?»

Мими сказала мне, что вопрос еще не решен. Тогда я сказала ей: «Мими, я официально принимаю тебя в свою семью — теперь ты тоже можешь молиться на могиле моей бабушки».

Мими не уехала через два дня, как планировала. Молодой человек, с которым она встречалась, позвонил ей и попросил отложить поездку.

Через шесть недель она стала невестой.

Продолжение следует
Перевод: рав Берл Набутовский

Большая мицва

Сара Йохевед Риглер

За неделю до Рош а-Шана мне позвонила моя подруга Батья. “Сегодня двенадцатая годовщина нашей алии, — сказала она мне, — и я звоню, чтобы поблагодарить тебя за домашний овощной суп и цельнозерновое печенье с шоколадной крошкой”.

“Какой овощной суп? Какое шоколадное печенье?” Я понятия не имела, о чем идет речь. Я вообще не присылала ей никакой еды.

“Разве ты не помнишь? В день нашего приезда в Израиль ты пригласила нас на ужин под лозунгом “Добро пожаловать домой”. Ты приготовила для нас овощной суп и цельнозерновой хлеб с травами в своей хлебopечке, и свой фирменный спред тахина-мисо, и испекла цельнозерновое шоколадное печенье. Я всегда буду благодарна тебе за то, что ты так тепло нас встретила”.

Я смутно помнила, что когда-то приглашала их в гости, но совершенно не помнила меню. Я была поражена тем, что спустя двенадцать лет после этого события в чьей-то памяти сохранилось то печенье с шоколадной крошкой из цельнозерновой муки.

Я положила трубку и ощутила страх. Это было за неделю до Рош а-Шана, который также называется «Йом а-Зикарон», «День памяти». Если моя подруга Батья, простая смертная, могла в деталях вспомнить, что я приготовила на обед двенадцать лет назад, то насколько подробно Всевышний помнит детали того, что я делала двенадцать лет назад, двенадцать недель назад и двенадцать дней назад!

Рабби Цви Меир Зильберберг говорит, что самая большая ошибка, которую совершают люди, заключается в том, что мы недооцениваем огромное значение наших поступков — как плохих, так и хороших.

Когда кто-то благодарит вас за оказанную любезность, а вы отвечаете: “Не о чем говорить”, — вы укрепляете ложное представление о реальности. Никакое действие, каким бы незначительным оно ни было, не является пустяком. Человек, стоящий перед вами в очереди в супермаркете, уронил копейку, а вы нагнулись и подняли ее? Вы заметили знакомого в лифте, улыбнулись и сказали: “Хорошего дня!”, выходя из лифта? Вы потратили 5 минут и 20 копеек на установку и зажигание субботних свечей? Духовный эффект от всех этих поступков бесконечен и вечен. Незначительных поступков просто не существует; есть только неадекватное восприятие эффекта каждого действия.

Награда и наказание

Одним из тринадцати принципов веры, сформулированных Рамбамом, является вера в награду и наказание. Но какие награда и наказание?

Иудаизм утверждает, что награда и наказание даются в основном не в этом ограниченном, физическом мире, а в бесконечном, вечном, чистом мире духа, в который душа попадает после смерти тела. Давать материальную награду за духовную победу (а каждый выбор в пользу добра — это духовный подвиг) было бы все равно, что наградить солдата, который, рискуя жизнью, спас целый батальон, премией... в 100 бесплатных порций мороженого. Награда должна соответствовать тому поступку, за который ее дают. Поэтому, доброе дело, то есть согласование себя с волей Всевышнего, другими словами, выполнение заповедей, может быть вознаграждено только духовной наградой. Все представления о рае, напоминающие роскошные отели или гаремы этого физического мира, заведомо ложны.

Великий каббалист XVIII века, рабби Моше Хаим Луцато, объясняет природу награды и наказания:

Высшая мудрость постановила, что каждый акт исполнения заповедей должен в определенной степени приближать человека ко Всевышнему. Тогда человек обретает Его свет, соответствующий этой степени близости, что, в свою очередь, приводит к тому, что степень совершенства, обусловленная этим освящением, становится его неотъемлемой частью.

С грехом все обстоит с точностью наоборот. Каждый греховный поступок в соответствующей степени отдаляет человека от Всевышнего. Это приводит к тому, что он в определенной степени отстраняется от Его света, что приводит к сокрытию. В результате этого сокрытия та или иная степень недостатка становится неотъемлемой частью этого человека”. [«Дерех Ашем»].

Иными словами, неизбежный эффект любого действия, будь оно хорошее или плохое, состоит в том, чтобы приблизить или отдалить душу от Всевышнего. Это, в свою очередь, приводит к тому, что человек, совершивший действие, становится более совершенным или более ущербным. И это относится к каждому действию, слову и мысли. Ни одно действие не является нейтральным. Все, что мы делаем, говорим или думаем, либо приближает нас ко Всевышнему и к нашему собственному совершенству, либо отдаляет нас от них.

В детстве нас учили, что «все записано в книге». Став взрослыми, мы узнали, что истина заключается в том, что все записано в нашей собственной душе. Я — продукт совокупности моих поступков, слов и мыслей. Печенье с шоколадной крошкой, которое я испекла для семьи Батьи, или, скорее, акт доброты при приветствии новых соседей, обладает вечным значением, потому что душа вечна. (Даже больше, чем 'ты есть то, что ты ешь', 'ты есть то, что ты делаешь'.)

Рабби Элиягу Деслер приводит описание блаженства близости ко Всевышнему, которое даруется в качестве награды в Грядущем мире. Он пишет:

Давайте соберем разрозненные часы и минуты удовольствия и наслаждения за всю жизнь и сконцентрируем их в одну минуту. А теперь давайте соберем все часы удовольствий, испытанных всеми друзьями и знакомыми человека за всю его жизнь, и представим, что мы можем сконцентрировать их все в одной минуте.

Рабби Деслер продолжает, укладывая в эту минуту всю радость, которую испытывают все люди в твоём городе, затем в твоей стране, затем во всем мире в течение жизни одного поколения, затем «все счастье, которое испытывают все поколения людей от начала творения и до конца времен». Но даже такая концентрация радости, поясняет он, цитируя отрывок из «Пиркей Авог», не сравнится с «самой малой наградой, назначенной за самую малую мицву, какую только можно себе представить».

Так называемые малые дела

Представьте себе, что вы едете навестить свою маму и заходите в супермаркет, чтобы купить три помидора, которые она попросила вас ей привезти. («Помни, не больше трех помидоров, а то они просто у меня сгниют!») Стекло двери автоматически раздвигаются, вы заходите внутрь, и вдруг вспыхивают гирлянды, звучит оркестр, к вам подходит менеджер магазина, жмет вам руку и объявляет: «Поздравляем!!! Вы — миллионный покупатель нашего магазина. Я с гордостью вручаю вам сертификат на покупку продуктов на сумму 10 000 долларов и пожизненную скидку в размере 20%».

Вы стоите ошеломленный. Обретя, наконец, дар речи, вы мямлите, заикаясь: «Н-но я только зашла купить три помидора».

Согласно еврейской традиции, именно так мы будем чувствовать себя, когда попадем в Грядущий мир. «Но я же только нагнул и поднял копейку». Разве можно себе представить, что мы получим столь огромное, вечное вознаграждение за такие ничтожные действия?

Ответ на этот вопрос можно обнаружить в одной многократно рассказанной еврейской истории: Две женщины еженедельно собирали милостыню для

бедняков своей общины. Две подруги, они договорились, что та, которая умрет первой, вернется и расскажет другой о том, что такое Грядущий мир. Через некоторое время одна из женщин умерла. Вскоре она явилась во сне своей подруге и сообщила: «Помнишь, как мы искали дом одного богатого человека? Вдруг я увидела название улицы. Я указала на него и сказала: “Вот адрес”. Так вот, здесь, в этом мире, я получаю вознаграждение за то, что подняла указательный палец и показала на адрес».

Воля милосердного Б-га — дать нам бесконечное духовное вознаграждение за каждую мицву. Для этого каждое наше доброе действие разделяется на составляющие его доли секунды, и за каждую из них назначается награда.

За зажигание субботних свечей вы получаете вознаграждение:

1. Поиск свечей в супермаркете
2. Помещение их в корзину
3. Вытаскивание из корзины, чтобы заплатить
4. Оплата
5. Принесение их домой
6. Вытаскивание подсвечников
7. Установка их на подносе
8. Установка свечей в подсвечники
9. Доставка спичечного коробка из ящика
10. Зажигание спички
11. Зажигание свечи спичкой
12. Произнесение благословения

Осознание этого может наполнить смыслом самую обыденную жизнь и превратить самые будничные действия в духовный полет.

А как же наказание за грехи, за те поступки, которые причиняют вред другим и отдаляют нас от нашего Творца? Хорошая новость заключается в том, что добрые поступки записываются несмываемыми маркерами, и никакие последующие действия не могут их стереть. Грехи, напротив, записываются смываемыми фломастерами. Их можно стереть посредством процесса, состоящего из двух стадий: совершения *тшувы* и *капары*. «Капара», искупление — это растворитель, в виде определенной степени страданий, который стирает все следы греха. В следующий раз, когда вы получите штраф за парковку, потеряете бумажник, обожжете палец, или опоздаете на поезд, помните, что досада/боль/страдание, принятые с любовью, — это верное средство для удаления пятен с души.

Большие заповеди

В то время, как награда предназначена для следующего мира, преобразующее влияние мицвы (о котором говорит рабби Луцато выше) иногда можно увидеть даже в этом мире.

Несколько лет назад мне позвонила знакомая ребецин из Америки. Она спросила меня, может ли ее 19-летняя дочь Мэнди, которая приехала по программе в Израиль, приехать с подругой на шаббат. Читая между строк нашего разговора, я поняла, что у Мэнди были проблемы в духовной сфере, и ее отправили в Израиль в надежде, что там она исправится.

Я с радостью согласилась принять девушек и попросила их приехать в пятницу утром, чтобы помочь мне с готовкой, так как на шаббат у нас будет много гостей. В десять часов утра я обнаружила, что у меня ещё не готово ни одно планируемое блюдо. Я начала постепенно впадать в панику.

В этот момент зазвонил телефон. Это была Мааян, бывшая наркоманка, которой я пыталась помочь (но это уже другая история). Мааян плакала и что-то бормотала в трубку. У неё была какая-то инфекция, поднялась высокая температура, и ей срочно нужно лекарство. Могу ли я приехать за ней и отвезти ее к врачу, чтобы он выписал рецепт, а потом помочь ей достать лекарство?

Я слушала с ужасом. Мааян и в лучшие времена ходила с трудом. В свои 38 лет она жила с престарелыми родителями, и я точно знала, что они ей помочь никак не смогут, так как ее мать была больна, а отец психически неуравновешен. Мааян прекратила принимать наркотики едва ли полгода назад. Я опасалась, что любой кризис, например, недолеченная инфекция, может снова подтолкнуть ее к наркомании.

С другой стороны, ко мне на трапезу на шаббат должны были прийти многочисленные гости, и я не могла выделить ни минуты времени, не говоря уже о двух часах, которые, как я знала, потребуются для этой миссии. Пока я стояла в растерянности, раздался звонок в дверь. На пороге стояли Мэнди и ее подруга.

Без лишних церемоний, я заявила им: «Мне нужно, чтобы одна из вас помогла мне на кухне, а другая выполнила большую мицву».

Девушки посмотрели друг на друга. Подруга Мэнди предложила: «Я умею готовить. Я помогу на кухне». Мэнди, по умолчанию унаследовавшая непростую миссию, неуверенно спросила: «А я что должна делать?».

«Это нелегко, но это очень большая мицва», — сказала я ей. «Слушай, я сейчас тебе все запишу по порядку. Сначала ты берешь мою кредитную карточку, идешь к банкомату и снимаешь 200 шекелей. Потом берешь такси и едешь по этому адресу. Скажи таксисту, чтобы он подождал у входа. Ты поднимаешься на три пролета вверх к двери с надписью 'Штарит'. Там тебя будет ждать одна женщина, бывшая наркоманка, по имени Мааян. Она больна, и ей нужны лекарства. Возможно, тебе придется помочь ей одеться. Затем ты поможешь

ей спуститься вниз по лестнице — ей трудно ходить, — посадишь её в такси и отвезешь в поликлинику. После того, как врач выпишет ей рецепт, вы на другом такси поедете в аптеку. Ей не обязательно заходить в аптеку вместе с тобой, но ни в коем случае не забудь взять её больничную карточку. Ты получаешь лекарство, отвозишь Мааян домой, помогаешь ей подняться по ступенькам, а потом возвращаешься сюда. Есть вопросы?»

Я подняла глаза от листка бумаги, на котором писала инструкции, и увидела широко распахнувшиеся от ужаса глаза Мэнди. «Я не думаю, что смогу это сделать», — тихо сказала она дрожащим голосом.

Я вздохнула. «Ты **обязана** это сделать. Я должна готовить, поэтому не могу уехать из дома, а больше мне послать некого. Если Мааян никто не поможет, она может вернуться к наркотикам». Затем я добавила: «Это большая мицва. Возможно, ты спасешь ей жизнь».

Мэнди выглядела так, словно ее без всякой подготовки запихнули в скафандр космонавта и отправили на Луну. С трепетом она взяла бумажку и мою кредитную карточку. Я проводила ее до выхода, объяснив, как пройти к банкомату. Последними ее словами были: «Я не уверена, что у меня получится это сделать»...

Через два с половиной часа Мэнди вернулась. Широко улыбаясь, она вошла в дверь и объявила: «Дело сделано! Дело сделано!»

Я зааплодировала и обняла ее. «Ты сделала огромную мицву», — сказала я ей. «Вполне возможно, что ты спасла Мааян жизнь».

Теперь у Мэнди была просьба: «Я собираюсь позвонить родителям и пожелать им хорошей субботы. Не могли бы Вы взять трубку и рассказать моей маме, что я сделала?» Я видела, что это было чрезвычайно важно для Мэнди, и с радостью согласилась. Грустная история со счастливым концом, подумала я.

Через два года я получила приглашение на свадьбу Мэнди. Она действительно исправилась и выходила замуж за прекрасного молодого человека, обладающего всеми теми качествами, к которым она стремилась и о которых мечтали ее родители. На свадьбе, когда я пожелала ликующей матери Мэнди «Мазаль Тов», та посмотрела на меня и сказала: «Знаешь, ты сыграла в этом большую роль».

«Я...?» — спросила я в замешательстве. За последние два года я даже ни разу не виделась с Мэнди.

«Да!» — воскликнула она. «Когда ты послала Мэнди помочь наркоманке, она увидела, что способна сделать что-то действительно важное. Это стало поворотным моментом её жизни».

Я сказала Мэнди, что то, что она сделала, — это большая заповедь. На самом деле: **Маленьких заповедей не бывает.**

Перевод: рав Берл Набутовский

Сердечно поздравляем

Семью Иткин с обручением сына Реувена
(Иерусалим)

р. Нахума Офмана и его супругу с рождением внучки,
г-жу Броню Габай с рождением правнучки
(Бейтар – Иерусалим)

р. Элиезера Шломо Прокопеца и его супругу
и **р. Якова Бродкина и его супругу** с обручением детей -
Михаэля и Ханы Рейзел, р. Меира Бродкина и его супругу
и **р. Михаила Шамиса и его супругу** с обручением внуков
(Иерусалим – Бейтар – Кирьят Сефер – Мюнстер)

р. Хаима Бродецкого и его супругу с рождением внучки
(Бейтар)

р. Михаэля Мирласа и его супругу
и **р. Зеева Милкина и его супругу**
со свадьбой детей **Александра и Авигайль,**
г-жу Злату Зину Волис со свадьбой внука
(Петах Тиква – Бейт Шемеш – Рош Айн)

р. Александра Сычева и его супругу с рождением сына,
р. Руслана Полудневич и его супругу
и **г-жу Татьяну Сычеву** с рождением внука
(Элад – Ашкелон – Ноф а-Галиль)

р. Авраама и рабанит Хаву Куперман и
р. Рафаэля Шустера и его супругу с рождением внучки
(Иерусалим – Бейтар)

р. Эзру Белкина и его супругу со свадьбой сына **Арона**
(Нетивот)

р. Пинхаса Райхмана и его супругу с обручением сына **Цви**
(Цюрих)

р. Бориса Биньямина Кивмана и его супругу
со свадьбой внука **Ицхака**
(Иерусалим)

р. Арье Михлина и р. Моше Половицкого
с окончанием трактата Рош а-Шана
(Ашкелон – Офаким)

Прием поздравлений по тел: +972 52 760 80 11 • 02 674 34 84

**Просьба молиться за весь народ Израиля,
который находится в состоянии войны,
на Святой Земле, и, в частности, в Газе.
И отдельно упомянуть имена, приведенные тут:**

Авихай Шмуэль Элиэзер бен Пнина Ривка

Ури бен Эфрат Ита

Ор Нехемья бен Рахель Шошана

Авраам бен Нехама

Элия бен Александра

Эльханан бен Това Мирьям

Яков Яир бен Това Мирьям

Авраам Хаим бен Това Мирьям

Орен бен Ана

Евгений бен Марина

Давид бен Ирина

Томер бен Дафна

Михаэль бен Людмила

Стас бен Зинаида

Алекс Бери бен Ана

Идан Эльад бен Малка